

ОФИЦЕР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

КВАНТ
БЕЗУМИЯ

СЕРГЕЙ
КУЛАКОВ

Сергей Федорович Кулаков

Квант безумия

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181533*

Квант безумия: Эксмо; М.: 2009

ISBN 978-5-699-35530-3

Аннотация

Почти невозможно догадаться, что этот простой с виду парень в цветастой рубашке – опытный агент ГРУ. Тем не менее Роман Морозов – специалист высшей пробы. Правда, задание на этот раз у него странноватое, не его масштаба: раскрыть похищение яйца Фаберже. Ерунда какая-то, решил Роман, и ошибся. Ибо сразу же наткнулся на четкое противодействие. Дело явно не в хищении, наверняка что-то покруче. Только тогда Морозов узнал, на каких «зверей» он вышел: готовится крупная террористическая акция, и так получилось, что только он может предотвратить ее. Но не слишком ли поздно? Ведь его загнали на узкий полуостров и вслед ему идут профи не меньшего, чем он, калибра...

Содержание

Январь, ближнее Подмосковье	4
Апрель, дальнее Подмосковье	19
«Московский комсомолец», два дня спустя	29
Москва, 29 апреля, ночь	31
Москва, 29 апреля, день	58
Москва, 29 апреля, вечер	70
Москва, 30 апреля	92
30 апреля, вечер	95
1 мая, поселок Лосиный, ночь	100
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Сергей Кулаков

Квант безумия

Январь, ближнее Подмосковье

В большой, тепло натопленной гостиной, где сразу забывалась сырая, ветреная зима, сидели в разных позах и пили разные напитки трое мужчин.

Все они были того солидного возраста, который, применительно к людям значительно преуспевшим, трудно назвать обывательским словом «старость», но который и от закатной зрелости, увы, уже невозвратно далек. Час был не поздний, но за окном быстро плотнели сумерки, тем более ранние из-за низко нависших туч, густо сыпавших мерным ледяным дождем.

– Слыхал, на днях снежком порадует, – сказал один из собравшихся, грузный человек с мощным лысым черепом, покрытым по темени старческой «гречкой», или «маргаритками смерти», как поэтично именуют это малопривлекательное явление французы.

Расположился он в просторном кожаном кресле, целиком загрузив его своим дебелым телом, которое больше бы пристало цветущему и гулящему мужчине не старше годов эдак пятидесяти пяти, а не патриарху, пережившему во-

семь десятков лет (и каких лет!). На антикварном столике из драгоценной карельской березы перед ним стоял тяжелый стакан в серебряном подстаканнике, налитый пахучим травяным чаем. Время от времени он из этого стакана звучно прихлебывал, нисколько не смущаясь присутствием еще двух человек, не многим уступающих ему в возрасте и чинах (бывших, правда, чинах, но все же имеющих до сих пор немалое влияние в известных кругах).

– Оно бы и лучше, Семен Игнатьевич, – отозвался второй мужчина, словно по нарочитому контрасту высокий и худой, с узким черепом, украшенным белоснежной легкой шевелюрой. Он старательно пил нарзан, за раз опорожняя половину высокого хрустального стакана. На длинном столике – он сидел на диване, сбоку от кресла – перед ним уже стояли две пустые бутылки из-под лечебного напитка. Судя по изможденному лицу, возраст сказывался на нем много сильнее, чем на корпулентном Семене Игнатьевиче, однако он сопротивлялся многочисленным хворям изо всех сил. – Хоть воздух посвежеет, дышать станет легче.

– В этой стране, Петр Петрович, дышать не скоро станет легче, – пробурчал Семен Игнатьевич.

– Что так нерадостно, Семен Игнатьевич? – спросил хозяин дома, сидя перед камином на складном стульчике и подкладывая аккуратные березовые чурбачки в огонь. Был он несколько моложе своих собеседников – или просто лучше сохранился; прямизна широких плеч и посадка головы выда-

вали в нем кадрового военного. На том же столике, где пугливо жались бутылочки с нарзаном, только на другом краю красовался графинчик с водкой, рядом – пузатенькая рюмка, на большой тарелке скромная, но толковая закуска: бородинский хлеб, свежие огурчики, копченое сальце, охотничья колбаска. Бывший маршал здоровье свое еще до конца не растратил и мог, на зависть гостям, позволить себе некоторые, не слишком, понятное дело, экстремальные удовольствия.

– Да чему радоваться-то, Павел Сергеевич? – возразил грузный старик, просовывая толстый палец в дужку подстаканника. Но на сей раз отвара своего он пить не стал и сердито отдернул палец назад. – С каждым днем все хуже и хуже, и конца этому не предвидится. Катимся в тартарары просто бешеными темпами, осталось совсем немного, чтоб шею Россия свернула... Нет сил смотреть на это, сердце кровью обливается.

– Но мы же этого не допустим, – мягко сказал Павел Сергеевич Сысоев, умело вороша кочергой пылающие березовые полешки, от которых шло в комнату мягкое, вкусное тепло. – Проведенный нами анализ ситуации показывает, что разработанный план осуществляется практически без осложнений. За исключением некоторых незначительных деталей...

– В деталях вся соль, – вставил Петр Петрович Воронин. – Если недосмотреть какую-то мелочь, на первый взгляд

незначительную, может произойти непоправимое...

– Ну, это-то понятно, – крикнул Павел Сергеевич, поднимаясь от камина. – Азбуку мы знаем.

Он шагнул к столику, налил себе водки, кратко отсалютовал рюмкой гостям и одним махом выпил. Кинув в рот стрелку разрезанного вдоль огурчика, с хрустом закусил и принялся расхаживать по комнате, широкий, мощный, напоминающий помесь медведя с волком. Старого, правда, медведя, со старым же и волком, но впечатление хищной силы он еще производил – и довольно внушительное.

– Говоря о деталях, я имел в виду лишь техническое исполнение сущей безделицы, такой, например, как организация похищения яйца Фаберже. Хотя и здесь не будет никаких загвоздок. Исполнители уже назначены, за клиентом ведется наблюдение. Если произойдет какой-либо срыв, все мгновенно блокируется, и цепочка прерывается. Риск того, что кто-то может связать банальное ограбление с нашим планом, настолько ничтожен, что об этом не стоит и беспокоиться...

Он подошел к широкому окну, глянул на дорогу. Из леса, черной стеной стоявшего вдаль, выехал длинный темный «Мерседес», добрался до развилки и взял направление к даче.

– Вот и господин Маслов наконец пожаловал, – сообщил Павел Сергеевич гостям, наблюдая за ходким приближением «Мерседеса».

– Господин... – с ядовитой ненавистью к этому слову прохрипел Семен Игнатьевич. – Когда и привыкнуть-то к этому поганому обращению успели?

– Люди быстро меняются, – заметил Петр Петрович, – особенно если им изо дня в день это в голову вбивают.

– Ничего-о... – кивнул тяжелым черепом Семен Игнатьевич. – Поменялись сюда – поменяются обратно. Мы тоже знаем, как мозги прочищать, любым западным мудрецам сто очков вперед дадим.

Павел Сергеевич согласно усмехнулся, снял трубку телефона внутренней связи и приказал охраннику на воротах впустить подъехавший «Мерседес».

Высокие ворота – вровень с кирпичной стеной, огораживающей всю обширную территорию дачи, – дрогнули и плавно разошлись створками наружу. «Мерседес» подрулил к площадке у дома, из него выскочил дюжий телохранитель, открыл заднюю дверцу, одновременно распахивая огромный зонт. Глаза его настороженно шарили по сторонам и даже тревожно косили на крышу и куда-то за облака.

– Тут-то чего бояться? – усмехнулся бескровными губами Петр Петрович, неслышно подошедший к окну и тоже наблюдавший за прибытием последнего, несколько припозднившегося гостя.

– Привычка, однако, образовалась, – тоже усмехнулся Павел Сергеевич. – Ничего, пройдет...

Из салона выбрался полный, сутуловатый мужчина в теп-

лом пальто, нырком спрятался под зонт и, почти целиком скрытый им, поплыл семенящей походкой к входным дверям.

– Пойду встречу гостя, – убедившись, что ворота снова закрылись, откачнулся от окна Павел Сергеевич и неторопливо вышел из комнаты.

Через пять минут он вернулся вместе с гостем. Громила-телохранитель остался где-то в районе кухни. Павел Сергеевич убедился, что снаружи никого нет, и плотно затворил за собой дверь.

– Ну, вот мы и в сборе, – сказал он, садясь на свой стульчик у камина.

Вновь прибывший коротко со всеми поздоровался и сел на диван, поставив возле себя портфель. Его звали Олег Андреевич Маслов. Он возглавлял Институт геополитических проблем и был президентом Фонда «Спасение», имеющего весьма солидные счета во многих банках мира. Кроме этого, Олег Андреевич был одним из лидеров не крупной, но уже заметной социально-патриотической партии, имел большие связи в различных кругах, в том числе и приближенных ко двору, и оказывал известное влияние на ход некоторых политических событий в России. В отличие от ожидавших его «стариков», чья звезда закатилась давно и невозвратно – впрочем, кое-кто из них отнюдь так не думал, – Олег Андреевич, которому было всего лишь каких-то пятьдесят восемь лет, только-только вошел в свою настоящую силу и всерьез

считал себя деятелем довольно-таки мирового масштаба.

— Однако ты не торопишься, — проворчал Семен Игнатьевич.

— Дел много, Семен Игнатьич, — не глядя на него, быстро ответил Олег Андреевич. — Пока везде успеешь...

— Хм, дел много. Знаю я твои дела: языком молот с утра до вечера. Политик, твою мать...

— Семен Игнатьич, — блеснул очками Маслов, — прошу вас, не надо этого тона. Если вы мой тесть, это еще не значит, что я обязан терпеть ваши оскорбления.

— А тебя никто пока не оскорбляет, — ничуть не смутился Семен Игнатьевич. — Но извиниться бы не мешало: мы тут не мальчики тебя ждать, а ты не красна девица, чтобы на целый час опаздывать.

— Я уже извинился, как только вошел, — не сдавался Маслов. — Хотя причины моей задержки более чем убедительны. Я все-таки директор солидного учреждения, руковожу большим коллективом, у меня много срочных дел, и, кроме того...

— Да угомонись ты, директор, — махнул на него своей распухшей ручищей Семен Игнатьевич. — Если бы не я, ты до сих пор был бы жалким лаборантом в своем нищем НИИ.

— Ну, знаете, я тоже кое-что умею, — вспылил Олег Андреевич. — И не надо меня каждый раз носом тыкать в свое покровительство. Если вы помните, я вас ни о чем таком не просил.

– Зато жена твоя просила, – хмыкнул Семен Игнатьевич. – По твоей же просьбе. Всю плешь мне проела: дай, папа, Олегу денег да дай, поговори со своими знакомыми да поговори, пусть ему помогут! Так что каждый сверчок...

– Ладно, товарищи, оставим этот неуместный спор, – вмешался Петр Петрович. – Задержка Олега Андреевича вполне объяснима и извинительна. Я думаю, если бы не наша договоренность не пользоваться телефонной связью при согласовании наших общих встреч, он бы давно позвонил и предупредил нас. Так что спишем это небольшое недоразумение на издержки конспиративной работы. Слежки за вами не было, Олег Андреевич?

– Нет, ничего такого мои люди не заметили, – все еще обиженным тоном отозвался Маслов.

– Ну и прекрасно, – кивнул Петр Петрович. – Итак, давайте сразу перейдем к делу. Что стало известно по регионам, Олег Андреевич?

– Сейчас, – кивнул Маслов, вновь беря деловитый тон, – минуту...

Он достал из своего пухлого портфеля папку, раскрыл перед собой.

– Вот у меня здесь последние данные. Разумеется, закодированные... Посторонний человек увидит лишь опросные листы по поводу отношения граждан к проблеме запрещения аборт.

Петр Петрович и бывший маршал одобрительно кивнули.

Семен Игнатьевич был невозмутим.

– Итак, данные абсолютно достоверные, мои агенты поработали на совесть. Вот пожалуйста, возьмите копии, – Олег Андреевич передал соратникам листы бумаги стандартного формата. – Для удобства во всех регионах число наших сторонников отмечено синим цветом. Как вы сами понимаете, красный цвет я на всякий случай исключил – к чему нам даже косвенные подозрения? Опросы проводились устно, но ответы фиксировались на диктофоны, а потом вносились в компьютер, поэтому цифры здесь совершенно точны. Итак, вы видите, что процент сильно недовольных нынешней властью и готовых вернуться к прежнему, доперестроечному курсу людей очень высок...

– Ну так разве можно было в этом сомневаться? – вставил Семен Игнатьевич. – Довели народ до ручки...

– Да, число наших сторонников впечатляет, – перебил его Петр Петрович, рассматривая диаграмму. – Конечно, если эти цифры верны хотя бы на пятьдесят процентов.

– Они верны на сто процентов, – заверил его Маслов. – Работа велась в течение пяти месяцев, очень кропотливо и тщательно. Опросом были охвачены буквально все слои населения, но здесь, для удобства анализа, дан общий процент.

– Приморский край – всего тридцать процентов? – не поверил Семен Игнатьевич. – Что-то совсем мало...

– Не мало, Семен Игнатьич, очень даже не мало, – бойко возразил ему Олег Андреевич. – Не забывайте: здесь отраже-

но мнение только тех людей, которые настроены самым решительным образом. Говоря революционными терминами, это наш костяк. А сколько так называемых колеблющихся? Еще столько же, если не больше. И они немедленно присоединятся к нам, как только события примут необратимый характер.

– В этом можно не сомневаться, – поддержал его Петр Петрович. – У нас всегда так: пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Но если уж грянет... – и он красноречиво возвел глаза к потолку.

Все собравшиеся обменялись значительными, понимающими взглядами, лица их выразили нечто суровое и даже грозное. Олег Андреевич приосанился, он чувствовал себя способным хоть сейчас вести за собой возмущенные массы.

– Урал, считай, наш, – сказал Павел Сергеевич, вернувшись к изучению диаграммы. – Поволжье, как и следовало ожидать, тоже. Средняя Россия и юг – всегда наши. Москва и Питер только как занозы в заднице... Но Москву мы первым делом успокоим, – он недобро усмехнулся, – а Питер придавим с ходу – не пикнут.

– А ежели и пикнут, в Сибири всем места хватит, – засопел Семен Игнатьевич. – Эшелонами этих сраных демократов – жуликов и прощелыг – будем в лагеря отправлять. Пускай сидят там, пока не одумаются... А если и сдохнет кто, невелика потеря!

– Ну, излишнюю жестокость мы все же исключим, – чуть

поморщился Петр Петрович. – Но церемониться, само собой, не будем. Как показал печальный опыт в девяносто первом, непростительная нерешительность наших товарищей погубила все дело.

– Да предатели его погубили! – снова засопел Семен Игнатьевич. – Сволочи-перевертыши, оборотни типа Борьки Ельцина и его дружков-ворюг... Дурачье это московское подбить – раз плюнуть, ори громче да денег обещай – они и рады стараться. Армия подкачала, струсила. Вместо того чтобы намотать на гусеницы эту шваль, шпану подзаборную, полезла к ним обниматься. Тьфу! А почему? Потому что люди были не наши, не проверены заранее, не подготовлены. Вот и вышел – пшик, весь мир только насмешили...

– Да, – согласно покивал Петр Петрович. – Не смогли тогда восстановить статус-кво. Хотя все возможности к тому имелись...

– Подготовка была слабая, – сказал Павел Сергеевич, подкидывая в камин дрова. – Семен Игнатьевич прав: в бой кинулись, а боеприпасы забыли.

– Кстати, по поводу боеприпасов, – повернул к нему Петр Петрович свою сухую птичью голову. – Как идет подготовка верных нам частей?

– Согласно моим данным, – неторопливо заговорил маршал, – все идет по плану. Части, возглавляемые преданными нам офицерами, комплектуются солдатами из неблагополучных и рабоче-крестьянских семей. В частях проводится

их психологическая обработка. В этих же частях путем планомерных действий сосредотачивается самая лучшая боевая техника. На момент часа Икс мы будем располагать отлично вооруженной и абсолютно преданной нам армией, готовой беспрекословно выполнять любой приказ. Если дойдет до гражданской войны, то мы разгромим любого врага в считанные часы.

– А как товарищи старшие офицеры, не подведут? – спросил Воронин.

– Нет, – твердо ответил Павел Сергеевич. – Каждый проверен мной лично. К тому же, как я уже говорил, всех их я хорошо знаю еще по *тем временам*. Со многими довелось послужить вместе, так что время узнать было. Конечно, воды с тех пор утекло много, и некоторые, к сожалению, сильно изменились. Но все же лучшие остались на прежних позициях, и я в них уверен, как в самом себе.

– Будем надеяться, что эта уверенность подтвердится, – сказал Воронин. – В любом случае час Икс должен быть для них пока неизвестен. Более того, надо дать понять, что все начнется не раньше осени будущего года. Но боеготовность должна оставаться повышенной, как если бы приказ занимать позиции мог поступить уже завтра.

– Именно такая установка им и дана, – кивнул Павел Сергеевич. – И подготовка личного состава ведется с учетом этого требования.

– Как бы не просочилась информация, – обеспокоился

Олег Андреевич. — Если столько человек — целая армия — будет знать о восстании, то это просто невозможно удержать в тайне...

— Никто, кроме высших офицеров, ничего не знает, — успокоил его Павел Сергеевич. — Работа ведется крайне осторожно. Все товарищи хорошо осознают важность того, чтобы подготовка велась как можно более скрытно. Продуманы специальные программы, якобы направленные на усиление борьбы с терроризмом, по которым ведется усиление определенных частей. Младшие офицеры не знают о предстоящем задании, но путем личных собеседований отбираются только те из них, которые являются нашими сторонниками...

— Да какой офицер не будет нашим сторонником? — снова не выдержал Семен Игнатьевич. — Довели армию до ручки, не армия, а какой-то недоносок. Если до дела дойдет — воевать же нечем! Втирают этим дурням очки по телевизору, а в частях — по два старых самолета, и те едва летают. Да ежели НАТО двинет, оно нас за неделю задавит. Это даже самый зеленый лейтенант понимает! А уж про Чечню и говорить стыдно. Такого позора Россия еще не знала. Какой-то клоп всей стране жизни не дает! Чудеса! Да чтобы все это племя поганое одним махом уничтожить, достаточно одной войсковой операции. И все, и нет такой проблемы! А земли их заселить русскими людьми. И если эти америки вшивые начнут пищать-возмущаться, пригрозить им как следует, благо есть чем, а не разводить тары-бары. И всех отщепенцев: при-

балтов, хохлов, белорусов и прочую шелуху – обратно, к ногтю! И никаких этих федераций-педераций, никаких союзов и республик! Одна страна – одна держава! Только так мы сможем выжить и сохранить свою нацию для потомства!

Ему никто не возразил даже жестом. Несмотря на различие характеров и взглядов на жизнь, все четверо собравшихся мужей придерживались схожих убеждений по поводу будущего страны и целиком разделяли мнение, высказанное сейчас самым старшим из них.

– А каковы позиции левых партий и движений, Олег Андреевич? – нарушил молчание Петр Петрович. – Кто из них готов нас поддержать безоговорочно?

– Пока сказать трудно, – пожал плечами Маслов. – Как вы понимаете, те из них, которые на виду, то есть давно занимают теплые кресла в Думе (при этом слове Семен Игнатьевич снова презрительно фыркнул), не слишком будут рады кардинальным изменениям. Они привыкли вести размеренную, богатую жизнь и не меньше прочих боятся каких-либо потрясений. К тому же их лидеры хорошо понимают, что при смене власти они не будут востребованы как народные вожаки, а своими амбициями они поступаться не хотят, поэтому вряд ли стоит на них рассчитывать...

– Мудрено, Олег, ты выражаешься, – не выдержал Семен Игнатьевич, – хотя суть проста. Да продались они давно капиталу, нашему, новорусскому, и заграничному, и забыли давным-давно о стране и народе. Моя бы воля, я бы этих

жирных трусов всех скопом к стенке поставил, чтоб светлое имя Партии не трепали своими языками длинными, продажными...

– Зато областные и районные организации, созданные в альтернативу КПРФ и прочим опорочившим себя партиям прокоммунистического толка, настроены очень и очень решительно, – спокойно продолжал Олег Андреевич. – И, я считаю, именно на них следует делать ставку как на наших ближайших сподвижников.

– Согласен, – кивнул Петр Петрович. – Вы правы, в центральных организациях все охвачено духом наживы и популизма, и от идеалов коммунизма там не осталось ровным счетом ничего. Они скорее враждебны нам, а не союзники. А вот местные ячейки наиболее близки нашим интересам. Народ там зол и решителен. Им только дай указания, подкрепленные действиями, – и наша власть на местах обеспечена.

Зазвонил телефон внутренней связи. Павел Сергеевич снял трубку, выслушал и обернулся к сидящим:

– Товарищи, ужин готов. Приглашаю вас откусать. Не волнуйтесь, мой повар помнит личную диету каждого из вас и приготовил блюда, учитывая проблемы вашего здоровья. Прошу в столовую.

– Что ж, пойдемте пожуюм шпинатика, – улыбнулся Петр Петрович, вставая с дивана. – Тем более что и в столовой можно отлично обсуждать наши вопросы. А тем временем подтянутся остальные...

Апрель, дальше Подмосковье

Голубая гладь озера лежала огромным зеркалом под ласковым, уже теплым солнцем. В воде ясно отражались прибрежные деревья и медленно плывущие по небу облака. Лед уже полностью сошел, да его почти и не было в эту слякотную зиму. У дальнего берега, возле стены высохшего камыша, тихо сидел в лодочке рыбак, выставив перед собой длинное удилище. Быстрая стая лесных птиц пронеслась над озером и исчезла в леске. Почти ничто не нарушало благодатную тишину.

Но вот послышался жесткий стрекот лопастей – и по озеру стремительно пробежало отражение вертолета. Серой тенью он мелькнул над деревьями, снизил скорость и пошел на посадку.

Его ждали. На высоком пологом холме, метрах в ста от озера, высился большой трехэтажный дворец. Он стоял на территории, занимающей два гектара земли, и высоченный забор с колючей проволокой поверху напрочь укрывал его обитателей от посторонних глаз.

На специальной площадке, недалеко от дома, стояли несколько человек встречающих. Все они были крепкого телосложения и вооружены до зубов. Две натасканные немецкие овчарки, натягивая поводки, грозно смотрели на садящийся вертолет.

Один из охранников командовал посадкой, жестами показывая пилотам, что все идет хорошо. Грузовой вертолет «МИ-8» с опознавательными знаками МЧС на борту коснулся колесами грунта, вздрогнул и замер, гудя затихающими винтами. Дверца открылась, из нее выглянул наголо стриженный амбал в кожаной куртке. Правая рука его была засунута за пазуху, глаза настороженно осматривали встречающих. Видимо, поведение охранников удовлетворило его. Он легко выпрыгнул из вертолета и махнул кому-то рукой. За ним из салона несмело вылез какой-то тощий человек в больших очках и костюме. Он неловко спустился по лесенке вниз и, щурясь на солнце, начал оглядываться.

– А где же господин Байков? – спросил он, напрягая слабый голос, того охранника, который командовал посадкой.

– Хозяин в доме, ждет, – кратко ответил тот. – Добрый день...

– Выходи, – крикнул амбал в кожаной куртке кому-то в глубине салона. – Все нормально.

Из вертолета выбрался третий пассажир. Он был очень похож на первого, только в левой руке он держал небольшой металлический кейс. Это был даже не кейс, а портативный сейф, крепившийся стальной цепочкой к запястью того, кто его нес.

Трое прибывших в сопровождении охранников дошли до дома и скрылись за массивной дверью. Вертолет окончательно затих, и ничто не нарушало привычной здесь тишины. Так

же бесшумно плыли облака, гонимые едва заметным ветерком, так же нежно зеленела молодая травка на близлежащих холмах и холмиках. Не заметив ни одного подозрительного движения окрест, охранники разошлись по своим основным постам. У вертолета остался дежурить лишь один проводник с овчаркой. Греясь на солнце, он благодушно посматривал на пилотов, вылезших из кабины поразмять косточки.

Никто и не заметил, что один из небольших бугорков на дальней оконечности участка шевельнулся и слегка подвинулся вперед. Ни видом своим, ни цветом он не отличался от окружающего его ландшафта, и, только подойдя к нему вплотную, можно было разглядеть, что это вовсе никакой не бугорок, а человек в специальном маскировочном костюме типа «земля-травя».

– «Пчелка» опустела, начинаем работать, – сказал этот человек будто бы сам себе и перетекающими движениями пополз в сторону дома.

Но говорил он отнюдь не сам себе. Миниатюрный микрофон-приемник, сидевший у него в ухе, послал приказ еще трем таким же тщательно замаскированным людям, лежащим в разных точках огражденного забором пространства, и все трое тут же пришли в движение. Они проникли на территорию еще ночью и залегли по периметру на заранее намеченных позициях, обезопасив себя от чутья сторожевых собак особым химическим составом. Получив команду, двое из них двинулись к вертолету, двое других – к воротам, куда

ушли два охранника со второй собакой.

Командир группы остановился метрах в сорока от проводника с овчаркой, дежурившего у вертолета, и подтянул к себе неуклюжую на вид винтовку «ВСС», грозное бесшумное оружие спецназа, замотанную для маскировки в лохмотья.

– Всем доложить о готовности, – сказал он особо поставленным голосом. Этот голос был неслышим в двух шагах от него, но четко доносился через мощный радиопередатчик до подчиненных.

– Зона готов... – тотчас доложил его напарник, который лежал где-то невдалеке от него, но где точно – определить было невозможно.

– Краб готов...

– Рыжий готов...

– Зона, берешь на себя бычка с псиной, – сказал командир группы. – Я валю псину, ты бычка. Как понял меня?

– Понял тебя, Сом.

– Потом делаем летунов. Через минуту сбор у дома. Все поняли?

До него снова донеслась разноголосица односложных докладов. Сом плавно взял в крестик прицела покатым лбом овчарки. Могучая псина, челюсти – как у средних размеров крокодила. Такая если хватанет – руки как не бывало. Впрочем, это собаки особой дрессуры, они за руки зря не хватают, не тратят время. Здесь совсем другая степень поражения. Укус за ахиллесово или подколенное сухожилие, мгно-

венный рывок – и человек, какой бы богатырь он ни был, валится на землю как подкошенный. И тут же страшные челюсти смыкаются у него на глотке. В зависимости от ситуации такой песик может положить в одиночку человек пять даже хорошо подготовленных парней. Но сейчас он не видел и не чуял ни одного источника опасности и мирно сидел у ног своего проводника. Розовый язык вывалился из пасти, и Сом одну секунду размышлял, не лучше ли выстрелить ему прямо в пасть, чтобы упредить предсмертный визг. Но потом подумал, что гортань может остаться целой и псина все же успеет взвизгнуть, подняв ненужный шум, и твердо навел прицел на лоб. В мозг надежнее. Мгновенная блокировка всех нервных импульсов не позволит псу даже вякнуть.

– Работаем, – отдал команду Сом, привычно задержал дыхание и потянул спусковую скобу.

Его винтовка издала негромкий хлопок и слегка толкнула в плечо. Пуля ударила пса между глаз, и он мягко упал на бок, судорожно вытягивая лапы. В тот же миг на него рухнул застреленный в висок проводник. Сом уже не смотрел на них. Он быстро перевел прицел на ближнего к нему пилота, присевшего зачем-то под брюхо вертолета, и всадил ему пулю в левый бок, прямо в сердце. Пилот лениво ткнулся носом в грунт, словно решил подремать в теньке. Второй пилот, сидевший в раскрытой кабине, вздрогнул и обмяк в кресле. Зона работал безукоризненно.

Сом периферийным зрением отметил, что маячившие

внизу у ворот охранники исчезли. Все шло четко по графику. Он поднялся, одним рывком преодолел расстояние до дома и прижался к стене. Спустя пару секунд возле него очутился Зона. Через полминуты подтянулись от ворот Краб и Рыжий.

– Пошли, – сказал Сом и первым двинулся к входной двери.

Дверь осталась незапертой, и, слегка оттянув ее, Сом просунул в щель ствол «ВСС» и навел его на сидевшего в просторном холле охранника. Получив пулю в сердце, тот так и остался сидеть в кресле, уронив журнал на колени. Четверка безмолвно проникла внутрь и каплями ртути растеклась по нижнему этажу дома. Послышались характерные хлопки выстрелов из кухни и комнаты отдыха охраны. Через минуту все было кончено.

Ликвидировав «нижнюю» охрану, четверка короткими перебежками начала подниматься по широкой, отделанной мрамором лестнице вверх, щетинясь во все стороны стволами-глушителями.

На втором этаже, в глубине коридора, возле дверей библиотеки скучал еще один охранник. Прислонившись плечом к стене, он смотрел в торцевое окно коридора, явно не думая о какой-либо опасности. В самом деле, кого опасаться в этой крепости? В его широкую спину можно было хоть топоры метать. Зона ужом скользнул к нему, на ходу доставая из ножен «катран» – специальный нож диверсанта. Охранник даже не понял, как он умер. Зона опустил на пол уже мертвое

тело, вытер о его плечо клинок. Сом и Рыжий были уже рядом, Краб остался у лестницы.

Вдруг дверь библиотеки открылась, из нее вышла горничная, молодая, красивая девушка в короткой юбочке а-ля «Тату». В руках у нее был поднос с пустой посудой. Увидев трех размалеванных дьяволов в лохматых маскхалатах и мертвое тело охранника, она выронила поднос и открыла рот, чтобы закричать. Но ладонь Сомы уже прочно зажала ей рот и нос, а вторая рука обхватила сзади, не давая шевельнуться.

Действуя абсолютно синхронно с Сомом и в то же время каждый в своем режиме, Зона подхватил поднос так, что не звякнуло ни единое блюдце, а Рыжий одновременно с этим плавно закрыл дверь. Происходящее напоминало кадры немого кино. Те, кто находился в библиотеке, ничего не слышали. Сом положил придушенную горничную под стену, на мягкую ковровую дорожку, и придвинулся к двери. Рыжий и Зона, взяв оружие на изготовку, подобрались с другой стороны.

– Пошли! – отрывистым шепотом скомандовал Сом.

Рыжий распахнул дверь, и Зона, перекатившись через плечо, влетел в библиотеку. Следом за ним ворвался Рыжий, последним заскочил Сом. Захлопали выстрелы. Два охранника и два прилетевших на вертолете амбала даже не успели вытащить свои пистолеты. Через три секунды все они были мертвы. Хозяин дома, тучный лысый мужчина в роскошном парчовом халате, хотел что-то крикнуть, но Сом лично во-

гнал ему две пули в жирную грудь, а затем добил выстрелом в голову. В живых остался только тощий очкарик. Скорчившись на диване, он закрыл голову руками и поджал колени, стараясь не смотреть на этих невест откуда взявшихся людей в жутких одеяниях.

Сом подошел к амбалу с бронированным кейсом. Кейс, еще запертый, лежал на столе. Стальная цепочка тянулась к запястью убитого.

– Похоже, мы поторопились, – усмехнулся Сом, – товар даже не начали осматривать.

Не трогая пока кейс, он ткнул толстым пальцем в голову очкарика:

– Эй ты! Посмотри на меня.

Очкарик медленно развел руки, уставился, трясаясь от ужаса, в размалеванную зелеными и черными полосами рожу Сома.

– Кейс не заминирован?

Очкарик отрицательно потряс головой.

– Хорошо. Тебе известен шифр замка?

Очкарик потряс головой утвердительно. Поглядывая с ужасом то на Сома, то на мертвого амбала, лежащего рядом с ним, очкарик сел к столу, склонился над кейсом и стал набирать цифры кода. Его пальцы дрожали и соскальзывали с кодовой панели.

– Только не вздумай дурить, – на всякий случай посоветовал Сом, хотя было понятно, что очкарик не то что «дурить»

– думать боится.

Наконец кейс был открыт. Под его крышкой, обитой изнутри поролоном, на толстой поролоновой подушке, в специальном, точно по размеру сделанном углублении, лежала квадратная бархатная коробочка. Сом осторожно достал коробочку, раскрыл ее. В ней находилось большое яйцо из золота, украшенное причудливой резьбой и инкрустированное алмазами.

– Открой! – приказал Сом очкарику.

Тот принял яйцо, благоговейно приоткрыв рот. Даже руки у него дрожать перестали. Он нажал какую-то скрытую пружинку. Верхняя часть яйца распалась на две части, открыв золотого цыпленка, клюющего зернышки, сделанные из разноцветных драгоценных камней. Все было сработано до того изящно и чудно, что Сом на секунду забылся, восхищенно цокнув языком, и тронул своим толстым пальцем цыпленка за гребешок.

– Осторожно! – вырвалось у очкарика.

Сом удивленно покосился на него, но палец отнял и приказал очкарику закрыть яйцо и уложить обратно в кейс, что тот и исполнил с привычной ловкостью.

Рыжий нашел ключи от наручника в кармане амбала, снял с него цепочку и подхватил кейс.

– Уходим, – кивнул Сом.

Очкарик, опять сжавшись, во все глаза смотрел на него. Сом прошел было мимо – и бедняга вздохнул с облегчени-

ем, — но на ходу незаметно повел стволом, нажал на спуск. Очкарик умер мгновенно, не успев испугаться. Пуля вошла ему в правый висок.

— Что с этой делать? — спросил в коридоре Зона, указывая на горничную. Девушка потихоньку приходила в чувство, слабо шевеля длинными ногами.

— Оставим, — поколебавшись, решил Сом.

Они вышли во двор и направились к вертолету. Вокруг было совершенно тихо, ветерок нес мирные запахи полей. Краб вышвырнул из кабины труп второго пилота, сел за рычаги управления, привычно защелкал тумблерами над головой. Остальные расположились в салоне. Рыжий бережно положил кейс себе на колени.

Винты начали вращаться, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее. Вертолет дрогнул и медленно поднялся в воздух. Затем кабина наклонилась носом вперед — и железная стрекоза через две минуты исчезла за лесом. Рыбак в лодке раздраженно покосился на вертолет — чего летают, спрашивается, только рыбу пугают — и снова забросил удочку.

«Московский комсомолец», два дня спустя

«КОШМАРНОЕ УБИЙСТВО

Как нам стало известно из конфиденциальных источников, позавчера на своей даче, расположенной в семидесяти километрах от Москвы, был зверски убит известный банкир Е.А. Байков. Кроме хозяина дачи, были застрелены десять его охранников, два пилота вертолета, две сторожевые овчарки, а также известный эксперт по ювелирным изделиям С. А. Пайкин с двумя своими телохранителями.

Взять нападавших по горячим следам не удалось. Чудом оставшаяся в живых горничная сообщила, что видела нескольких человек в «лохматых» комбинезонах. Лица у этих людей, по словам горничной, были размалеваны.

Как предполагает следствие, нападавшими могли быть люди, прошедшие военизированную спецподготовку и соответствующим образом экипированные.

Кроме того, эти люди угнали вертолет, который позже был найден в одном из лесных массивов Подмосковья.

Мотивы кошмарного убийства пока не установлены. У следствия есть две основные версии. Во-первых, это могло быть связано с профессиональной деятельностью Байкова. Во-вторых, учитывая прибытие на дачу Пайкина, возможно,

имело место банальное ограбление.

Мы будем следить за ходом расследования и своевременно информировать наших читателей».

Москва, 29 апреля, ночь

Роман Морозов понял, что дела его плохи, когда увидел, что роскошная блондинка, стоявшая почти весь вечер за его спиной, очутилась вдруг за спиной игрока напротив, пожилого толстяка в белом костюме. Безымянный палец толстяка был украшен массивным золотым перстнем с огромным бриллиантом, и этот бриллиант нагло бросал на окружающих пучки света, когда его хозяин небрежно метал горсти фишек на стол.

– Делайте ваши ставки, господа, – призывал крупье, с приученным равнодушием поглядывая на стол.

Роман взял пять последних фишек, посмотрел на блондинку. Она сочувственно ему улыбнулась, но рука ее прочно лежала на спинке кресла, в котором восседал толстяк. Оно и понятно, зачем ей нужен неудачник? Не для того она надела это полупрозрачное красное платье, чтобы уйти отсюда несолоно хлебавши. У каждого свой бизнес. Пока Роману везло – а везло ему с самого начала чертовски, – она стояла рядом и терлась о него то бедром, то грудью, как кошка, просящая ласки. Но фортуна изменчива, и в последние час-два он только и делал, что спускал ставку за ставкой. Каких только комбинаций он не перепробовал – всю впустую. Проклятый шарик, как заколдованный, летел совсем не туда, куда требовалось, и вскоре весь выигрыш испарился, будто не

было.

Пытаясь обхитрить судьбу, Роман начал делать более осторожные ставки. Но это была заведомо проигрышная тактика. В рулетку везет лишь тем, кто швыряет деньги направо и налево. Как, например, этот жирный старикан. Казалось, ему все равно, выиграет он или проиграет – и удача бежала к нему со всех ног. Перед ним высилась уже гора разноцветных фишек, а он продолжал делать победные ставки. Неудивительно, что блондинка в сногшибательном платье перешла к нему. Хотя все равно досадно. Было такое чувство, что старательно приготовленного цыпленка, в чью сочную ножку ты вот-вот собирался впиться голодными зубами, у тебя грубо отняли и пожирают на твоих глазах, хрустя корочкой и нежными хрящиками.

Роман в последний раз перебрал в памяти различные даты, которые могли что-нибудь значить в его судьбе: дни рождения родных, первое ранение в Афгане, день, когда улетал из него, день свадьбы, день развода, еще всякое разное... Нет, ерунда, уже перепробовал все – ничего не помогло. Может, на zero? Редко, но все же бывает... Нет, не последнюю ставку. Риск все же должен быть в известной мере рассчитан, только тогда он – благородное дело.

Крупье запустил шарик, призывая в последний раз делать ставки. А, была не была! Роман воровато глянул на блондинку и поставил все пять фишек рядом с башней из фишек толстяка. Вообще у толстяка было сразу несколько ставок – одну

из них он сделал по совету льнущей к нему блондинки, – но самую большую он поставил на красную десятку. Ну, и Роман решил не искушать судьбу и брякнул свои фишки туда же. Не может быть, чтобы этот везунчик проиграл на одной ставке сразу пять тысяч долларов.

Шарик с треском бегал по кругу. Роман, замерев, следил за ним с последней надеждой. Если выпадет красная десятка, ого, его дела сразу поправятся, и как знать, не перейдет ли назад вероломная блондинка...

– Ставки сделаны, ставок больше нет! – послышался голос крупье.

Шарик подпрыгнул и замер в одном из лотков. Красный, показалось Роману, и сердце у него радостно вздрогнуло. Есть! Ай да толстяк...

– Зеро! – провозгласил крупье.

Роман разочарованно выдохнул, наблюдая, как его фишки вместе с фишками толстяка сгребают лопаткой на другой край стола. Зато блондинка хлопала в ладоши и улыбалась направо и налево, как голливудская звезда. Ее ставка была сделана как раз на зеро, и толстяк снова оказался в выигрыше. Он уже обнимал красотку за талию и совал ей горсть фишек. На Романа она даже не смотрела. А ведь он тоже был щедр с ней, когда выигрывал. Но в том-то и дело – когда выигрывал. А какой ей теперь от него прок?

Он поднялся из-за стола с тем тягостным унынием, которое хорошо известно всем продувшимся в пух и прах игро-

кам. Даже хмель с расстройства отступил, хотя за время игры выпил несколько больших порций виски. Надо было перестать сегодня в казино?! Ведь хотел же нормально посидеть в ресторане, покушать вкусно, снять девчонку... Ну, потрагился бы маленько, но ведь это мелочь по сравнению с тем, что проиграл. Семь тысяч долларов! Вот болван...

Роман взял в гардеробе пальто и уныло проследовал к выходу. Как теперь жить? Утром заправиться будет не на что. Надо у кого-то занять. У кого только? Всем и так по уши должен. Н-да, ситуация пиковая. Как это ни прискорбно, а придется залезть в неприкосновенный запас и продать часть акций «Юкоса». Не хочется, они сейчас в цене и потихоньку растут. Может, не спешить и подождать верной игры ни бирже? Вдруг повезет? Леня обещал ба-альшой навар, если выгорит с «Нефтехимом».

Он сунул швейцару сотню. Больше и не было. Тот презрительно сморщился, но сотню взял. С паршивой овцы хоть шерсти клок. Распахнул дверь, но ничего не сказал, ни там «всего хорошего» или «заходите еще», лишь молча выпустил и тут же закрыл дверь.

Роман вышел на ночную улицу, втянул ноздрями свежий воздух. Ах, хорошо! Кабы не этот дурацкий проигрыш, жить бы да, как говорится, радоваться. Так нет же, это всем остальным жизнь в радость, а ему, Роману Морозову, вечное невезение. Нет, ну как он на последней ставке погорел?! Хотел же поставить на zero, и рука уже туда потянулась. И чего

не поставил? Сейчас бы, словив удачу, за час вернул бы все, что потерял. Черт! Почти сорок тысяч выигрывал! Шутка? Да с такими бабуйками мы бы – о-го-го! Подхватил бы за тонкую талию эту блондинку – ох, и роскошная же женщина – и на такси к себе в гнездышко. Вот бы славно порезвились. И чего не поставил вместе с ней на зеро? Мог бы догадаться, что она сегодня была для него как бы талисманом, и это был знак – куда ставила она, туда следовало поставить и ему. Тем более – свою последнюю ставку. Не понял, болван, – вот и рви теперь волосы на темени. А чего уж было проще? Куда она – туда и ты... Нет, начал вспоминать какие-то дурацкие даты, потом вообще к этому толстому уроду приклеился. Да ведь как было не понять, что толстяк этот, будучи по сути соперником, никак не мог ему помочь! Наоборот, он только рад был, чтобы Роман окончательно продулся и покинул стол, не претендуя на блондинку – вот и подманил ставкой на красную десятку. Ах, черт, как жаль девчонку... Там много было, и не хуже, но эта – особенно хороша! И денег жаль, продул все, что было. Угораздило поставить на десятку! Хотел же на зеро...

Роман потряс головой, пытаясь избавиться от этих бесконечных, тягостных мыслей, бегущих по кругу. Все равно уже ничего не исправить. Денег нет – и это факт, с которым приходится считаться, хочешь ты того или нет. Раз не хватило ума вовремя остановиться или вообще не заходить в казино, так нечего теперь стенать. Зубы сжал и терпи. Завтра станет

легче. Паскудно еще долго на душе будет, но все равно полегчает. Надо заняться делом, отвлечься. Не мешало бы выяснить, что там с акциями «Нефтехима». Ходят слухи, что грядут какие-то изменения в руководстве. Но вот какие? Куда эти чертовы акции скакнут, вверх или вниз? Если вовремя узнать, кто точно займет кресло председателя правления или, что еще лучше, какая силовая структура станет «крышевать» или, наоборот, хоронить «Нефтехим», то на этом можно оч-чень неплохо заработать. Во всяком случае, нынешний проигрыш не будет вспоминаться столь уж болезненно. Нет, ну почему не поставил на зеро? Ведь так было просто, любому дураку понятно: куда она – туда и ты. И все, и никакой ошибки...

Стоп! – приказал себе Роман. Не думать. Иначе поедет крыша. Надо как-то добраться домой, хлопнуть стакан водки и ложиться спать. Он достал из кармана пальто часы, глянул на циферблат. Елки-палки. Почти четыре часа ночи. Скоро светать начнет. Так, взять такси – и домой. У подъезда оставить таксисту часы в залог, сходить к себе, взять деньги, расплатиться. Там, кажется, рублей пятьсот еще осталось... Вот же ерунда, до чего дошел. Если бы поставил на зеро, сейчас бы думал совсем о другом. А то с таксистом расплатиться нечем! Одна ошибка...

Стоп! Никаких ошибок! Все в прошлом. Ничего не было. Ни выигрыша, ни проигрыша, ни блондинки, ни проклятого зеро на последней ставке. Все – тщета, как учил Учитель, ни-

чему нельзя придавать значения более того, чем оно заслуживает. Это всего лишь деньги. Они приходят, они уходят, — туда им и дорога. И печалиться о них — удел слабых и глупых. Так что плюньте, Роман Евгеньевич, и забудьте. Слава богу, не дураки какие немощные, заработаем, на наш век и денег, и блондинок хватит. Спасибо, Учитель, я все понял.

Роман с облегчением вздохнул и двинулся к стоянке такси, стараясь придать лицу независимое и в меру равнодушное выражение. Эти таксисты — стреляные воробьи. Они вмиг догадаются, что ты проигрался до копейки, и нипочем не повезут под честное слово. До того народ гнилой — ужас. На обмане с колыбели живут и верят только виду денежных купюр.

Ну ничего. У нас солидное пальто, и под пальто — полный порядок, костюмчик от Версаче, часы — от Картье, обувь — модельная, пятьсот евро пара. Роман сунул руки в карманы и, не глядя на ряд такси, подошел к бордюру. Смотрите, кретины, изучайте: перед вами — настоящий джентльмен. Уж на что-то, а на оплату ваших услуг у меня всегда найдется.

Он намеревался перейти через дорогу, но в этот миг прямо перед ним остановилась черная служебная «Волга».

Роман мгновенно напрягся, собираясь то ли бежать, то ли кубарем катиться по земле — в зависимости от ситуации. Но в следующую секунду он сообразил, что машина уж больно официальная и, следовательно, это могла быть только родная контора, явившаяся по его душу за какой-то неотложной

нуждой.

Из «Волги» вышел серьезный мужчина в темном плаще со строгим, безукоризненно выбритым лицом.

– Вас вызывает генерал Слепцов, – сказал он сухо, глядя Роману куда-то в переносицу. – Прошу...

– Что, прямо сейчас? – удивился Роман, по привычке незаметно отступая на полшага.

– Так точно.

– Вам не кажется, что час не слишком подходящий? – попытался съязвить Роман.

– Не кажется.

Ну точно робот. Какого черта им надо? И выследят же, паразиты. Хоть под землю от них спрячешься, хоть на дно океана – найдут. Если бы за террористами так следили, как за собственными сотрудниками, – в стране давно бы наступил мир и порядок.

– Наша служба и опасна и трудна... – пропел-таки в отместку Роман, залезая в салон «Волги».

В машине кроме водителя сидел еще один «скучный» мужчина неопределенного возраста. Он равнодушно глянул на Романа и чуть подвинулся, дав ему место на заднем сиденье. Первый агент сел вперед, и машина немедленно тронулась.

Через двадцать минут они подъехали к штаб-квартире Главного разведывательного управления. Несмотря на слишком поздний – или слишком ранний – час, многие окна в

здании деловито светились. Видимо, чтобы уверить граждан в том, что охрана их покоя обеспечивается денно и нощно.

Всю дорогу Роман злился и отчаянно ругался про себя. Нет, ну что за кретинизм? Не могли позвонить по телефону, сказать: капитан Морозов, явитесь туда-то в такое-то время. Нет, выследили аж в казино, сунули в машину... Других дел, что ли, нет? Это генерал Слепцов любитель таких вот идиотских шпионских игр. Бывший гэбэшник, он на всю жизнь пропитался духом туповатой таинственности, свойственной его приснопамятной конторе. «Тайник – в кирпиче, кирпич в печке, печка в зайце, а заяц – в утке. Больничной...»

То ли дело бывший шеф Романа, генерал Антонов. Вот это был человек, вот о ком вспоминалось всегда с уважением и душевной теплотой. Они были знакомы еще с Афгана, где Антонов, тогда еще подполковник, командовал разведкой дивизии. Там он и заприметил рядового Романа Морозова, отчаянного разгильдяя и одного из самых смелых и хладнокровных разведчиков. Под его руководством Роман участвовал во многих рискованных операциях и затем, после увольнения, при его прямом содействии был зачислен в Высшую школу ГРУ. Получив генеральские звезды, Антонов не забыл новоиспеченного лейтенанта Морозова и взял его к себе в отдел, поручая ему конфиденциальные задания повышенной сложности.

Но затем грянули сложные времена, после августа 93-го на спецслужбы повесили всех собак, начались гонения и трав-

ля в прессе, кого с позором уволили, кто сам ушел, не выдержав нищеты и унижения. Генерал Антонов удержался – крепок был человек – и Роману не дал пропасть, держал возле себя, хотя тот и рвался изо всех сил на вольные хлеба. Долгое время работы как таковой не было, так, перебивались с хлеба на квас да плевались на новые порядки, которые вели страну все глубже в трясины криминала, к полному краху. Но вот к власти пришел Путин, гайки быстренько подтянулись, и оказалось, что у разведки пропасть работы. Жаль только, что генерал Антонов к тому времени потерял все свое здоровье. Сказались многочисленные ранения, да и нервы не железные, за минувшие годы истрепались в лоскутки. Умер, бедняга, на рабочем месте – инсульт. После смерти Антонова Роман, дослужившийся до капитана, пару лет болтался по разным кабинетам, нигде в силу строптивости характера долго не задерживаясь, пока его не прикрепили к отделу генерала Слепцова. Тот Романа невзлюбил до зубового скрежета и, наверное, уволил бы в первый же день, когда Роман явился на совещание с опозданием и небритый, но мешали многочисленные заслуги Романа да его какая-то мистическая способность в любом, самом безнадежном деле найти пускай и спорный, но все же выход. Так и жили. Почти все время Романа держали в сторонке, не повышая в звании и выплачивая мизерную зарплату, и призывали лишь тогда, когда требовалось сделать какую-нибудь грязную, запутанную работенку. Роман давно подал бы в отставку, но

что-то его удерживало. То ли память о генерале Антонове, его втором Учителе и друге, то ли набившее оскомину «За державу обидно»? Трудно было ответить, ибо давно он уже вел образ жизни «вольного стрелка» и запросто мог обойтись без невзлюбившей его конторы, уйдя из нее на все четыре стороны. «Была без радости любовь – разлука будет без печали». Но вот не уходил и звездами своими в глубине души дорожил. Ибо знал, что всегда может возникнуть ситуация, которую никто, кроме него, капитана ГРУ Морозова, исправить не сумеет. И поэтому, как бы ни складывались его отношения с начальством, нынешним и будущим, оставить службу он просто-напросто не имел права. Он был защитником своей Родины, ни больше ни меньше. И пафос тут ни при чем. Погибшие друзья в Афганистане, покойный генерал Антонов, невинные жертвы террористов сделали его таким и смертью своей завещали ему эту священную обязанность. И отказаться от нее было невозможно.

Пройдя внизу контроль, Роман в сопровождении агентов поднялся в лифте на девятый этаж. Агенты довели его до самого кабинета, но внутрь входить не стали, лишь проследили, чтобы он вошел туда.

«Двое из ларца, одинаковых с лица, – усмехнулся Роман, когда они закрыли за ним дверь. – Какая-то новая служба образовалась по надзору, я и не знал...»

В приемной сидел за столом помощник генерала майор Дубинин. Увидев Романа, он закрыл папку с бумагами и под-

нялся из-за стола, свежий, выбритый, подтянутый, как курсант-второкурсник.

– Проходите, капитан Морозов, – сказал он негромко. – Товарищ генерал вас ждет.

Роман снял пальто, набросил его на вешалку в углу, подошел к двери:

– Давно ждет? Поди, уже соскучился? Час не ранний, а, майор?

Дубинин чуть поморщился, но ничего не ответил. Открыв дверь, он просунул в щель голову и доложил о прибытии Романа.

– Входите, – пропустил он его вперед и закрыл за ним дверь.

Роман вошел в просторный кабинет, отделанный лакированным деревом. В дальнем углу – массивный стол буквой «Т», на окне – тяжелые темно-зеленые шторы, свет неяркий, приглушенный.

– Здравия желаю, товарищ генерал...

– Здравствуйте, капитан, – сухо ответил Слепцов. – Садитесь.

Роман сел на стул, прищурившись, поглядел в глаза Слепцову. Тот, важный, седовласый, одетый строго по форме, прямо сидел в своем монументальном кожаном кресле, блеснул очками на подчиненного.

– Мы уже работаем по ночам, товарищ генерал? – спросил Роман, доставая сигареты из кармана.

– Мы – работаем, – неприступно ответил Слепцов. – Если нужно, то и по ночам. А вы все развлекаетесь?

– У каждого свои интересы, – пожал плечами Роман, – не так ли?

Он просто-таки чувствовал, как презирает его генерал. Как же, капитан ГРУ – а как он выглядит?! Сорочка с какими-то кружевными рюшами расстегнута чуть не до пупа, кокетливые манжеты, скрепленные золотыми запонками, далеко выглядывают из-под узких рукавов пиджака, на руке дорогие часы, прическа не то что не по уставу, а вообще черт знает что такое! Не то сутенер, не то мушкетер, не то полуподпольный богемный персонаж. И добро бы работал под прикрытием, тогда понятно. Так нет, он же всегда такой. А как сидит, развалившись, как говорит сквозь зубы с начальством! И как он вообще попал в штат, этот наглый хлыщ? Он, конечно, талантливый сукин сын, за это генерал Антонов и держал его при себе эдакой палочкой-выручалочкой, но всему же есть предел!

Роман вытащил сигарету из пачки, закурил без разрешения, ожидая гневного замечания некурящего Слепцова. Ничего, тот промолчал, даже придвинул пепельницу. Ага, значит заданье предстоит каверзное. Своим любимчикам поручать не стал, решил скинуть на опального капитана. Ладно, послушаем.

Слепцов какое-то время молчал, поглядывая на Романа и, видимо, ожидая, чтобы тот начал спрашивать, по какому по-

воду его вызвали. Но Роман, еще с войны твердо усвоивший, что инициатива всегда наказуема, невозмутимо курил, аккуратно стряхивая пепел в хрустальную пепельницу, и с вопросами не спешил. Наше дело маленькое, не хотите говорить – не надо. Мы тихонько покурим и двинем себе обратненько. А то время позднее, спать давно пора...

– Вы слышали об убийстве Байкова? – спросил наконец генерал.

– Банкира, что ли? – помолчав, лениво отозвался Роман.

Он чуть было не зевнул, но успел заметить сердитый взгляд Слепцова и подавил зевок, едва не свихнув себе челюсть. «А чего он хочет? – мысленно огрызнулся Роман. – Скоро утро, а он тут ему о каких-то убитых банкирах толкует. К чему этот банкир?»

– Именно, – отчеканил Слепцов.

– Ну слышал что-то по телевизору, – нарочито медленно сказал Роман.

– Что думаете по этому поводу? – поторопил его Слепцов.

– А че тут думать? – повел прищуренным глазом Роман на генерала. – Кто-то нанял профи из спецназа, они всех положили и то, что требовалось заказчику, забрали. Ясно как божий день...

– Почему думаете, что это спецназ? Может, это были гражданские, замаскированные под военных? Хотели сбить со следа, вот и вырядились под спецназ.

– Нет, это армейские, – твердо возразил Роман. – Уж боль-

но слаженно работали. Ни один из них не был ранен, хотя охранники дома – все опытные ребята и с оружием обращаться умеют. Действовали согласованно, как часы. Ни одной ошибки не допустили. Спецоружием профессионально владеют. Навыки диверсантов, опять же, в наличии – собаки сторожевые их не засекали по запаху. Вертолет водить обучены – вряд ли они брали с собой пилота отдельно, в таком деле это – балласт. Там все до секунды рассчитано. И, самое главное: горничную в живых оставили. Это уж стопроцентно в армейских традициях: женщин не убивать. Конечно, они почти ничем не рисковали, под камуфляжной раскраской она их все равно не разглядела. Но в данных обстоятельствах любые другие ее не пощадили бы. Хотя что-то она да видела, вот про «лохматые» маскхалаты рассказала, про раскраску. А так бы вообще никто ничего не узнал, как будто призраки побывали, всех перешлепали... Будь налетчиками гражданские, они бы не смотрели, женщина или мужчина, пулю в голову – и весь разговор. Это только офицеры наши, будь они хоть суперпрофи, так пижонить любят, – твердо закончил Роман.

Он подобрался, взгляд его стал тверд и сосредоточен, даже о сигарете забыл. Работал человек.

– Откуда столько информации? – чуть помедлив, спросил Слепцов.

– Я же говорю, по телевизору слышал.

– Ну-ну... – побарабанил Слепцов пальцами по столу. –

Может, в телевизоре также сообщили, что именно похитили налетчики?

– Этого не сказали, – вновь разваливаясь на стуле, отозвался Роман. – Хотя дураку ясно, что не за деньгами они пришли.

– Почему? – немедленно спросил Слепцов.

– Было убито пятнадцать человек или около того, – лениво пояснил Роман. – За копейки такое количество народу не валят. Стало быть, фигурировала огромная сумма. Но такие деньги на подмосковной даче не хранят, тем более банкиры, у которых есть свои банки. И эксперт-ювелир там был не просто в гостях – с двумя-то телохранителями. Он привез на вертолете что-то очень ценное и хотел продать банкиру. Какой-то крупный бриллиант или, например, яйцо Фаберже. Вот за этим, скорее всего, нежданные гости и пожаловали...

– Это вы тоже в телевизоре слышали? – нервно прищурился Слепцов.

– Нет, в газете какой-то читал, – невозмутимо ответил Роман.

– Черт-те что! – возмутился генерал. – Чего только этим журналистам не известно! Крапивное семя, на все готовы, чтобы добыть информацию и пустить в народ! Распустились, дальше некуда...

– А вы бы предпочли, чтобы все было, как в старые времена: никто ничего не знает, а если знает, то сказать боится?

– В старые времена был порядок! – крикнул Слепцов. –

По крайней мере, все знали свое место! И к обязанностям своим относились не так, как сейчас относятся некоторые офицеры!

– На меня намекаете, товарищ генерал? – усмехнулся Роман, выпрямляясь.

– А тут и намекать нечего! На кого вы похожи?! Вы одним своим видом позорите звание офицера! А ваш образ жизни вообще возмутителен. Вы полагаете, нам неизвестно о ваших аферах с акциями? Или о ваших отношениях с некоторыми теневыми представителями шоу-бизнеса? Или о ваших амурных похождениях?

– Полагаю, вам известно все, – отчеканил Роман. – Или почти все. Но мне на это наплевать, товарищ генерал. Если вы меня в чем-то обвиняете, говорите конкретно – в чем? Если же лично я вам не нравлюсь, то позвольте напомнить: не по своей воле я к вам попал и за ваш отдел отнюдь не держусь. Я готов хоть завтра перевестись в любое другое ведомство. Кстати, Чечней меня не пугайте. В отличие от вас, на войне я был и от долга своего не бегу...

Его прервал сильный хлопок ладони по столу. Жалобно звякнула пепельница, пустив облачко пепла.

– Товарищ капитан, как вы разговариваете со старшим по званию! – начал приподниматься со своего кресла Слепцов.

– Вы правы, – улыбнулся Роман, – я что-то излишне горячусь. Это от недосыпа. Виноват, товарищ генерал, исправлюсь.

Некоторое время Слепцов мерил его разъяренным взглядом, затем тяжело осел в кресле.

– Вы много себе позволяете, капитан Морозов, – сказал он через минуту. – Нарветесь...

Роман промолчал, понимая, что лучше ему сейчас рта не открывать и дать возможность начальству сохранить лицо. Все-таки им еще вместе работать, по крайней мере, пока он находится в подчинении Слепцова. А плевать в колодец, даже пересохший, не стоит.

– Ну а почему вы думаете, что это именно ограбление? – ворчливо спросил Слепцов, порывшись для чего-то в столе. – В прессе, которую вы столь внимательно изучаете, ведь и другие версии выдвигаются. Например, что убийство Байкова было связано с его профессиональной деятельностью?

– Чепуха, – ответил Роман. – Слишком много усилий для ликвидации одного человека. Имели бы целью убийство банкира – устроили бы банальную засаду на дороге с автоматчиками и хорошим снайпером. Ну, усилили бы ее для верности парочкой фугасов. Просто, но очень надежно. Тут была поставлена другая задача. Им нужен был человек, прилетевший к банкиру на вертолете. Вернее, то, что привез этот человек. Вертолет – не машина, по дороге не перехватишь. Могли бы, конечно, и вертолет в воздухе сбить, но тогда пропало бы то, что вез ювелир. А именно это налетчиков и интересовало. Так что профессиональная деятельность тут ни при чем, – покачал головой Роман. – Банкир нужен был на-

летчикам в последнюю очередь. Можно сказать, что ему просто не повезло.

– Д-да, – пожевал губами Слепцов. – Выводы делать вы не разучились.

Роман снова помолчал, предоставляя генералу самому оценивать степень его профпригодности.

– В общем, почти все, что вы сказали, – верно, – кивнул Слепцов. – Действительно, ювелир доставил на вертолете... одно из изделий Фаберже. И действительно это было так называемое пасхальное яйцо, один из подлинных раритетов, принадлежавших некогда дому Романовых. Байков был известным коллекционером и хотел приобрести эту драгоценность для своей личной коллекции. Он нашел продавца за рубежом, тоже частного коллекционера, захиревшего от прыска одной королевской семьи, который решил продажей яйца поправить свое материальное положение.

– Я еще не слышал о донорстве половых органов, – заметил Роман.

– Не смешно, – буркнул Слепцов. – Яичко это было оценено в пятнадцать миллионов евро. Посредником сделки выступила московская страховая компания «Ювелир-Трест». Пайкин, известный эксперт-оценщик, должен был доставить яйцо на дачу Байкова и дать гарантии от лица фирмы, что изделие подлинное. В общем, обычная сделка подобного сорта.

– Если бы не вмешательство третьего игрока.

– Именно, – кивнул Слепцов. – Вот этот третий игрок нас

и интересуется. Дело это, на первый взгляд уголовное, может касаться государственной безопасности. Яйцо в данном случае выступает не просто как эквивалент пятнадцати миллионов евро, тут другое. Ведь невзирая на то, что после налета яйцо нельзя будет никому показать, заказчик не остановился перед тем, чтобы его заполучить. А это уже совсем иная сфера интересов. Это – не просто покупка, а какая-то тайная сделка. И нам необходимо как можно быстрее узнать детали этой сделки. Следовательно, надо выяснить: кому могло понадобиться яйцо?

Он вопросительно посмотрел на Романа.

– Ну... – поднапрягся тот. – Точно – не заграничному заказчику.

– Почему?

– Слишком много крови. Богатые люди за рубежом не хотят больших проблем. Они лучше заплатят больше, но будут жить спокойно. Это нашим все равно, скольких человек угробили. Наши крови не боятся. Так что заказчика надо искать здесь.

– Именно так мы и думали. И первым делом начали проверять всех известных российских коллекционеров.

– Ну, к известным-то соваться вряд ли стоит...

– Согласен. Поэтому основной акцент мы сделали на так называемых подпольных коллекционерах. То есть на тех людях, которые содержат коллекции, но по ряду причин предпочитают не распространяться широко про их существова-

ние. В частности, нас интересуют те, кто собирает ювелирные изделия Фаберже. Таковых немало, но по-настоящему страстных коллекционеров, готовых пойти на что угодно, только бы заполучить еще один экспонат, всего десяток. Сейчас мы вплотную занимаемся ими. Но, как вы понимаете, подобраться к некоторым из них по ряду причин весьма сложно.

«Вот и добрались до сути», – понял Роман.

– Один из них некто Зимянин Александр Иванович. Крупный промышленник, владелец нескольких фабрик и химического комбината. Вот этот химический комбинат и внушает нам некоторые опасения.

– Там производятся отравляющие вещества?

– Конечно, нет. Отравляющие вещества производятся на государственных предприятиях, за этим установлен жесткий контроль. Но дело в том, и, я думаю, вам это хорошо известно, что в состав многих отравляющих веществ входят различные компоненты, в том числе и вполне безобидные. Комбинат Зимянина производит, помимо ядохимикатов, стиральных порошков и моющих средств, серную кислоту. А на основе серной кислоты можно изготовить различные хлористые соединения, которые дают газ высокой токсичной концентрации. И вообще, – махнул рукой Слепцов, – нынешние химические технологии достигли такого уровня, что изготовить отраву можно из чего угодно, лишь бы это наличествовало в нужном объеме. Возможно, Зимянин со-

вершенно ни при чем. По нашим данным, это вполне законопослушный бизнесмен. Ни в каких контактах с террористическими организациями замечен не был. В криминале не замешан. Но проверить содержимое его персонального компьютера, как вы сами понимаете, не мешало бы. Для страховки, так сказать...

– А разве нельзя проверить по накладным, кому он поставляет ту же кислоту, и установить наблюдение за наиболее подозрительными получателями?

– Уже проверяем, – кивнул Слепцов. – На комбинате в составе ревизионной комиссии работает наш человек. Но чтобы отследить все поставки комбината, нужна целая армия агентов. Комбинат огромен, каждый день из него в различных направлениях выезжают десятки машин. Поди за всеми уследи. Кабы мы имели более весомые подозрения, тогда можно было бы проводить операцию на федеральном уровне. Но пока это лишь проверка, не более, и мы ограничены силами нашего отдела.

– Понятно, – сказал Роман. – Надо либо что-то срочно нарыть на Зимянина, либо отпустить его с миром.

– Вот именно.

Слепцов выжидательно уставился на Романа. Тот понял, что тут скрывается какой-то подвох.

– Честно говоря, – начал Слепцов, – этот господин не вызывает больших подозрений. Он ведет образ жизни... э-э, как бы это лучше сказать... в общем, далекий от образа жиз-

ни кровожадного человека. Есть гораздо более подозрительные субъекты, в том числе связанные тем или иным способом с криминальным миром, и они уже активно разрабатываются. Зимянин нас интересует лишь как владелец химкомбината. Вероятно, в другом случае мы удовлетворились бы проверкой заводской документации. Но в деле безопасности страны, как вы понимаете, мелочей нет, поэтому не мешало бы копнуть чуть глубже официальных документов. Вы понимаете?

– Я вас прекрасно понимаю. Но, мне кажется, здесь нужен не мужчина, а женщина. Это специфика агентов-женщин – влезать в доверие к субъекту и потрошить его компьютер, разве не так?

– Так-то оно так, – криво усмехнулся Слепцов. – Вот только существует одна загвоздка... Дело в том, что у господина Зимянина... э-э... нетрадиционная сексуальная ориентация, как принято нынче говорить...

– Голубой, – уточнил Роман, мрачняя.

– Ну, на уличном жаргоне это называется так...

– Но, товарищ генерал, от меня-то вам что надо? Я еще, слава богу, нормальным мужиком быть не перестал и в постель к Зимянину лезть не собираюсь...

– Вас никто к нему в постель не толкает, – как-то даже смущенно пробормотал Слепцов. – Но нам известно, что у вас есть связи в различных кругах, в том числе и в тех, где нетрадиционная ориентация только приветствуется. Так что

вы могли бы подыскать человека, который... э-э... вошел бы в доверие к Зимянину и... э-э...

«Вот теперь все встало на свои места! А я-то чуть было не купился, – подумал Роман, – чуть было не подумал, что наконец-то Слепцов доверит мне серьезное дело. Какое там! На серьезные дела он уже отправил своих молодцов, получать лавры и звания. А меня, как обычно, туда, где пованивает, запихнул. И даже без церемоний, мол, могли и обойтись, сто лет нам не нужен этот педик, но раз уж ты такой на свете есть, капитан Морозов, то надо тебя хоть в чем-то использовать, вот и занимайся тем, на что других ребят посылать вроде как не пристало. Там ты, конечно, ни черта не найдешь, но все-таки посуетись для порядка и для отчетности. Заодно и зарплатку свою отработай...»

– Ясно, товарищ генерал, – оборвал Слепцова Роман. – Как я догадываюсь, отказаться от этого задания я все равно не смогу?

– Я понимаю, вам не нравится подобное поручение, – отвел взгляд Слепцов. – Но вы прославились в нашем ведомстве как специалист по разрешению различных непредвиденных ситуаций, и именно поэтому я остановил свой выбор на вашей кандидатуре...

– Товарищ генерал, вот только не надо на кривой козе меня объезжать, – усмехнулся Роман. – Почему вы остановили свой выбор на моей кандидатуре, нам обоим хорошо известно. Где данные на Зимянина?

Слепцов дернул щекой, но промолчал и перебросил Роману тонкую папочку, лежавшую наготове в верхнем ящике стола.

– Здесь все, что мы на него имеем.

– Негусто, – сказал Роман, увидев, что в папке всего два листочка и не слишком четкая фотография. – Обо мне, например, вам известно куда как больше.

– Возьмите с собой, изучите и действуйте, – будто не заметив подковырки, деловито отозвался Слепцов. – Я вас не тороплю, но работать нужно в темпе.

– Мне предстоят некоторые расходы, – сказал Роман, твердо глядя в глаза генералу. – Дело в том, что вход в некоторые клубные заведения стоит весьма недешево. А я, как назло, поиздержался в последнее время. Так что если вы хотите, чтобы я нашел нужного человека, приоткройте закрома родины...

– Ну да, поиздержались, – ехидно улыбнулся Слепцов. – Нам известно, где именно... Кстати, вы декларируете то, что зарабатываете игрой на бирже?

– Чтобы играть на бирже, товарищ генерал, нужно иметь хотя бы миллион долларов. Я же имею только то, что имею, то есть родительскую квартиру-хрущевку, развалюху на колесах и более чем скромную зарплату в нашем уважаемом ведомстве, и ни о какой игре на бирже и речи идти не может, – невинно глядя в глаза Слепцову, заявил Роман.

– Н-да... – кивнул Слепцов недоверчиво. – Вы расскаже-

те. Вот, держите...

Он выложил на стол пачку сторублевых купюр. Жест его при этом был воистину достоин Цезаря.

– Надеюсь, этого хватит?

– Как вам сказать, – ответил Роман. – Если ничего не пить и не есть, то – хватит, а если...

– Вот не пейте и не ешьте! Больше нет, и за это скажите спасибо.

– Спасибо... – пробормотал Роман, запихивая пачку в карман пиджака.

– Через три дня жду от вас первых результатов. Докладывайте мне лично.

– Вас понял. Разрешите идти?

– Идите. Домой вас доставят на служебной машине.

– А вот за это благодарю от души, – искренне сказал Роман.

Он захватил папочку с данными на Зимянина и вышел из кабинета. Майор Дубинин, опершись щекой на ладонь, дремал за своим столом.

– Рота, подъем! – громко шепнул Роман ему в самое ухо.

Дубинин подскочил было, но, увидев, что начальства рядом нет, облегченно выдохнул:

– Шутки у тебя, капитан...

– Что за новые порядки, майор? – спросил Роман. – Сейчас что, все по ночам работать стали?

Дубинин потер глаза, устало махнул рукой, подавил слад-

кий зевок.

– Да была проверка недавно оттуда... – он поднял глаза кверху. – Всем досталось. Приказали, чтобы отныне дежурство велось круглые сутки на уровне начальников отделов. Вот, теперь не спим по очереди. То мы тут сидим, кого-то дублируем, то нас кто-то.

– Толк-то хоть есть?

– Какое там, – сморщился Дубинин. – Маета одна, вот и весь толк.

– Попали... – посочувствовал Роман и поехал домой – спать.

Москва, 29 апреля, день

Честно проспав до трех часов дня, Роман проснулся почти в хорошем настроении. Если бы не вчерашний проигрыш, то было бы совсем неплохо. А так на душе, конечно, кошки поскребывали. Но Роман решил унынию не поддаваться и для начала старательно выполнил свой обычный тренировочный комплекс. Первым делом – самомассаж, затем упражнения на дыхание, потом гимнастика ушу, плавно переходящая в быструю отработку ударов и имитацию бросков.

Его первым учителем боевых искусств был китаец Ли, служивший дворником в китайском посольстве. Роман, рассмотревшись видеков про Брюса Ли, горел желанием постичь грозные школы Тигра или Дракона, или, на худой конец, Аиста и пришел к знаменитому в узких кругах китайцу вместе со своим одноклассником, чей отец подвизался на дипломатическом поприще. Но Ли сообщил, довольно сносно изъясняясь на русском, что таких школ, увы, он не изучал. На вопрос Романа, какую школу он знает, Ли ответил, что ему знакома лишь школа Ветра. Роман о такой школе не слышал, и, по правде говоря, название его не вдохновило. Уж как-то больно мирно оно звучало. На его вежливый вопрос, как быстро он научится в школе Ветра бить противника и в чем заключается ее преимущество перед другими школами, Ли пояснил, что в бою не главное – бить противника, а глав-

ное – не позволять бить себя. Ветер невозможно настичь, как ты за ним ни гоняйся. Он всегда свободен, и никто не властен над ним. Научиться бить – нетрудно. Главное – научиться быть неуязвимым.

Это Роману, хрупкому, мечтательному подростку, понравилось. Ему было тогда двенадцать лет. Через год обучения в школе Ли, где занимались дети китайских дипломатов и несколько русских мальчишек, Роман мог без труда уворачиваться от удара палкой, когда его пытался ударить один человек. Через два года он уже с легкостью уходил от двух человек. Еще через два года его нельзя было «достать» ни кулаком, ни ножом, ни шестом. Даже если на него в закрытом, тесном помещении набрасывались одновременно три человека, вооруженные ножами и дубинками, он все равно умудрялся не получить ни одного серьезного повреждения.

Когда ему исполнилось шестнадцать и он стал гибким и прыгучим, как китайский гимнаст, Ли начал обучать его тем самым жестоким ударам, за которыми Роман пришел к нему четыре года назад. За три последующих года Роман научился бить всеми ударными частями тела, да так, что перед ним не мог устоять даже мускулистый горилла-боксер или борец, весящий вдвое больше его. А еще позже, в Афганистане, Роман научился и убивать...

К концу тренировки тело Романа, худощавое, но все перебитое сухими, рельефными мускулами, лоснилось от пота. Он немного остыл, подышав особым способом, затем полез

под душ. Стоя то под горячей, то под холодной, почти ледяной водой, он анализировал свой ночной разговор с генералом Слепцовым.

Собственно, анализировать тут было особо нечего. Закрыли им дырку, не слишком благородно пахнущую, и все дела. Ладно, перетерпим. Спасибо и на этом. Как говорил генерал Антонов, в нашем деле мелочей не бывает. В ГРУ не все сплошь дураки и ежели кого-то подозревают, то это имеет свой резон.

Роман перебрался в кухню и, готовя омлет, начал изучать досье на Зимянина Александра Ивановича. Ого, улыбнулся Роман, разглядывая фотографию, да это живчик. Пухлые щечки, сладкие глазки, румяные губки. Знаем мы таких оптимистов, встречали. Они для убажания себя, любимых, на все готовы. Не верится, правда, что сей пухлый добряк мог пойти на столь страшное преступление. Тут Слепцов прав. Роман вполне доверял своему чутью и видел, что Зимянин никак не мог стоять за убийцами на даче Байкова. Но изделия Фаберже он собирал, это факт, и собирал рьяно. Значит, кто-то мог «достать» для него яйцо, взяв на себя организацию налета и похищения. Дорогая во всех отношениях услуга. Если действительно Зимянин получил похищенное яйцо, то либо заплатил огромную сумму, либо... Кому-то понадобилась продукция его комбината. И в немалом количестве. Причем так, чтобы нельзя было этот заказ отследить. То есть чтобы по накладным товар ушел к реально существующе-

му заказчику, а на самом деле попал совсем в другие руки. Если подобная махинация имела место с допущения Зимянина, ее, конечно же, обнаружить по документации невозможно. Тут существует немало хитроумных ходов, и никакая самая тщательная проверка не подкопается. Отсюда верный вывод: искать «концы» на комбинате бесполезно. Надо заняться непосредственно Зимяниным. Влезть в его ПК, в записную книжку, в ящик стола – тот, что заперт на ключ. Без этого какие-либо секреты узнать трудненько. Разве только тогда, когда дадут о себе знать реактивы, изготовленные на базе химикатов Зимянина? Но тогда уже будет слишком поздно.

Роман позавтракал, вымыл посуду, сварил кофе и перешел с подносом в гостиную. Там он сел в любимое кресло, закурил и, потягивая кофе, еще раз внимательно изучил досье. Так, у Александра Ивановича квартира на Ленинградском шоссе (двенадцатый этаж высотки) и особняк в поселке Лосиный, в двадцати километрах от Кольцевой дороги. Именно в этот особняк он и привозит своих новых «знакомых». Квартирой на Ленинградском шоссе пользуется редко, в основном селит там деловых партнеров, прибывших с визитом. Ценное замечание, спасибо, коллеги, сэкономили мне время. Значит, в Лосином у нас не только любовное гнездышко, но и основная резиденция. Хорошо. В дом залезть все же легче, чем в квартиру на двенадцатом этаже. Так, привычки: это, это, ерунда, не то... Ага: наведывается почти каждый

вечер в элитный клуб «Эгейское море». Веселенькое название. Впрочем, и заведение тоже. Роман в нем не бывал, но много слышал. Вот тут мы тебя, Александр ибн Иванныч, и попробуем словить на живца. И не далее как... завтра.

А сегодня надо провести некоторую, так сказать, подготовку. Роман включил телефоны, домашний и мобильный, — до этого оба были отключены, чтобы дали выспаться и не мешали подумать, — и для начала набрал с домашнего один заветный номерок.

— Алло, — бодро отозвался Леня Пригов.

Леня работал брокером на фондовой бирже. Когда-то Роман «отмазал» его от большого срока, и в знак признательности Леня помог заработать ему на бирже весьма приличную сумму. Роман был ошарашен: из полунищего босняка он превратился в состоятельного человека. По крайней мере, сделал ремонт в старой квартире, доставшейся ему от покойных родителей, обставил ее современной мебелью, оделся прилично, купил машину и стал обедать в ресторане. Такой способ заработка был ему тогда в новинку. Он и сейчас мало что в нем смыслил, а года четыре назад вообще — темный лес. Роман, чьи дела, служебные и финансовые, к тому времени весьма захирели, вдруг сообразил, что Леня открыл для него золотую жилу. Он начал следить за биржевыми ставками и регулярно играть на бирже. Имея своим агентом такого специалиста, каким был Леня, он порой жил припеваючи. Правда, иногда, при неудачной игре, приходилось смиряться с по-

терей почти всех денег и некоторое время дуть в кулак, живя на свое нищенское жалованье, пока на бирже опять не подворачивалось стопроцентное дельце...

Все это требовало немалого напряжения сил. К тому же Леня не любил рисковать напрасно и требовал поставки информации, чем Роман и занимался большую часть своего времени, свободного от основной работы.

Как следствие, он завел знакомства среди деловых людей и начал вести соответствующий его новому статусу образ жизни. И, надо сказать, этот образ жизни пришелся ему по душе. А кому, скажите на милость, не придется? Дорогие рестораны, элитные клубы, казино, необременительные связи с красивыми женщинами... Последнего, к слову, у него хватало и раньше, из-за чего десять лет назад распался его первый и последний брачный союз (детей не нажили, и слава богу, а его бывшая процветала, по слухам, где-то в Америке). Но зато сейчас он не задумывался, на какие шиши сводить свою новую страсть в ресторан или купить ей подарок. Конечно, настоящих – больших – денег он не заработал. Для того чтобы сколотить состояние, требовалось либо иметь деловую жилку, либо упорно копить, отказывая себе во всем. Жилки деловой у Романа не было, а копить он не умел в силу легкомысленности и широты натуры. Что удавалось заработать – тратил, не раздумывая, и его чванные знакомцы по клубной жизни были бы сильно удивлены, если бы узнали, что порой ему не на что купить себе буханку хлеба и кусок

колбасы.

Сегодня как раз так бы оно и было, если бы не родная контора. Вот ведь молодцы, в самый критический момент подкинули денежку. Роман, проснувшись, с улыбкой посмотрел на пачку сотенных купюр, склеенную банковской бумажкой. Десять тысяч рублей. Грубо говоря, триста сорок пять долларов. В ночном клубе, который Роман собирался навестить нынешней ночью, столько стоит бутылка вина. Причем далеко не самого дорогого. Хорошо генералу Слепцову, живет себе по уставу – и никаких забот. Ладно, что возьмешь с убогого старца? Выкрутимся как-нибудь.

– Привет, Лёнечка, – проворковал Роман. – Как дела?

– Ты что, дрых до этих пор? – возмущенно налетел на него Лёня. – Я тебе целый день барабаню.

– Не дрых, а набирался сил, – добродушно ответил Роман. – Кстати, Леньчик, у меня новость: проигрался вчера дочиста, ни копейки ни осталось. Последние семь тысяч спустил, жить не на что...

– Тоже мне – новость! – фыркнул Лёня. – На прошлой неделе ты проиграл, э-э... двенадцать с половиной тысяч?

– У тебя феноменальная память на цифры, – улыбнулся Роман. – Даже половину не забыл...

– У меня на все феноменальная память, – отрезал Лёня. – Ты мне вот что скажи: что удалось разведать по «Нефтехиму»? Тут что-то назревает очень и очень серьезное, биржу лихорадит, все на стреме, ждут, но вот что – никто толком

не может пока узнать. Сплошная тайна. Ты нарыл чего?

– Пока нет... – сокрушенно признался Роман.

– Плохо, Рома, очень плохо. Имей в виду, я тебе пенсию платить не буду. А с твоими запросами твоя контора тебя на сухой корке хлеба держать будет.

– И так держит...

– Во-во. Так что надо шевелиться, Рома, надо очень активно шевелиться. Если мы добудем верняк, то сумеем зарабатывать... В общем, очень даже неплохо сумеем заработать. Я нюхом чую большие деньги, а нюх меня никогда не подводит. Ты меня понимаешь?

– Очень хорошо понимаю, Ленечка. Но вот беда: за душой-то ничего не осталось. На какие, прости, средства мне в деле участвовать?

– Ох, ты мой бедный Буратино. Ладно, договоримся просто: если ты находишь верную информацию, я рискну своими деньгами и одолжу тебе... тридцать тысяч долларов.

– Что-то не пойму я, – заметил Роман, – то ты говоришь о больших деньгах, то мелочишься не по чину... Сколько я заработаю на тридцати тысячах? Ты-то небось миллиончик вложишь? Или два?

– Кое-чему ты все же научился, – засмеялся Леня. – Тебе бы еще научиться казино стороной обходить – цены бы тебе не было. Хорошо: сто тысяч тебя устроит?

– Устроит, – не стал кобызиться Роман.

– Тогда с нетерпением жду самых точных сведений, раз-

ведка.

– Да... – замялся Роман. – Насчет разведки. Тут контора работенку срочную подкинула. Думаю, дней пять уйдет, пока все выясню, максимум неделя...

– Ты с ума сошел! – ужаснулся Ленья. – Неделя?! Да за неделю чего только не произойдет. Я же тебе толкую: тут все на мази, вот-вот акции либо обрушатся, либо прыгнут вверх. Если не попадем в десятку, будем последними дураками. Такого шанса больше может не представиться. Это ты понимаешь?

– Понимаю... Но не разорваться же мне пополам.

– Разорвись, – серьезно посоветовал Ленья. – А еще лучше: бросай ты это свое дурацкое хобби. Ни славы, ни денег, одни пинки от начальства. Да и пристрелят еще, не дай, конечно, бог...

– Тьфу, тьфу, тьфу...

– Ну, извини, это я так, к слову. Но, Рома, шутки в сторону. Промедление смерти подобно, вот о чем ты должен думать в первую очередь.

– Уже подумал. И сделаю все, что в моих силах.

– Сделай, очень тебя прошу. Сделай. И не отключай телефон днем, что за сибаритские замашки.

– Не буду, Ленья, ни за что не буду.

– Ладно, не пропадай только.

– Куда я теперь без тебя, нищий сиротинка?

– Пока, сиротинка.

– Целую, папочка.

– Пошел ты...

Только Роман положил трубку, запиликал мобильный. Он глянул на определитель, – о-о, это надолго.

– Ромочка, наконец-то, – слышался низкий, с томной хрипотцой, голос Вероники. – Ты где? От меня прятался, негодник?

С Вероникой он познакомился недавно на банкете, устроенном в честь одной стареющей кинозвезды. Муж Вероники, двадцатипятилетней красотки, бывшей Мисс не то Иркутска, не то Якутска, был старый, безобразно богатый бизнесмен, который купить-то ее купил, но вот обхаживать как следует, увы, не мог. Молодое и весьма здоровое тело, попавшее в сказочную роскошь, жаждало соответствующих развлечений, и в первую очередь, конечно же, сексуальных, ибо какой интерес покупать одежду в самых дорогих магазинах, но никого этой одеждой не соблазнять? Убедившись, что муж, человек в принципе хороший, но почти утративший мужские способности, в этом плане дать ничего путного ей не может, бывшая Мисс, недолго думая, пустилась во все тяжкие и стала клеить кавалеров при всех удобных случаях. Роман ее натиску не особенно сопротивлялся, поскольку Вероника была не только чертовски хороша, но и могла оказаться полезной, в силу своего замужества, для добывания деловой информации. Пока, правда, от нее толку было мало, ибо муж, человек, безусловно, мудрый, на пушечный выстрел не подпускал ее

к своим делам. Но все-таки терять надежду не следовало.

– Как можно? – возразил Роман. – Я дома и думаю только о тебе.

– Врешь небось, – недавняя лимитчица не отличалась тонкостью воспитания.

– Таким красивым женщинам, как ты, я никогда не вру.

– Ну тогда... – еще больше понизила голос Вероника, – я к тебе заскочу на часок-другой?

Роман, почесывая живот, быстро соображал. В самом деле, до вечера он ничем не занят. Надо лишь сделать пару-тройку звонков – это он и так успеет. А разрядиться не мешало бы, после проигрыша и вообще... Мало ли как там дела пойдут дальше? Еще пристрелят, как Леня тут напропорочил, так хоть напоследок подержать в руках красивую женщину.

– Ну, если только на часок... – промурлыкал Роман лениво.

– Обожаю тебя! – восторженно завопила Вероника. – Ты милый, милый, милый!

– Ты скоро? – осведомился Роман, чуть отстраняя трубку от уха.

– Через пятнадцать минут, – ответила Вероника, лихо колесившая по Москве, от магазина к магазину, на лимонном «Рено» последней модели.

– Жду, – улыбнулся Роман, давая отбой.

Не успел он сделать все нужные звонки – запищал нетер-

пеливо домофон. Вероника примчалась даже раньше обещанного времени. Роман впустил ее в подъезд и остался стоять у дверей, с улыбкой слушая быстрый, приближающийся цокот каблучков на лестнице. Едва он открыл дверь, Вероника упала ему в объятия и стала душить поцелуями, не скрывая жгучего желания. Роман, любовный пыл которого был еще не столь горяч, предложил ей для начала чего-нибудь выпить, но она и слышать ни о чем не хотела и гибкими движениями, не прекращая целоваться, прямо в прихожей начала освобождаться от своего обтягивающего шелкового платья. Ощувив под ладонью бархатную, упругую кожу крутого женского бедра и увидев розовое кружево белья, сквозь которое соблазнительно и бесстыдно просвечивались большие темные соски, Роман почувствовал, что кровь жарко ударила ему в голову. Забыв обо всем на свете, он подхватил призывно стонущую Веронику на руки и понес в спальню...

Москва, 29 апреля, вечер

Около восьми часов вечера Роман медленно ехал на своем темно-синем «БМВ» по главной улице поселка Лосиный, высматривая дом под номером двадцать семь. Таковым оказался роскошный, но без излишней помпезности, весьма симпатичный двухэтажный теремок из красного кирпича, старательно спрятанный от посторонних глаз за высокий каменный забор.

Не обнаружив при осмотре из окна машины ни одной щели в заборе – все было сделано на редкость добротно, – Роман решил, что надо действовать по плану «Б». Он проехал вперед метров на сто, свернул в узкую улочку, где его никто не мог видеть, развернулся и, сокрушаясь в душе по поводу такого жесткого решения, проколол заднее колесо своей машины. Затем, подождав минут двадцать, на спущенном баллоне подъехал к железным воротам дома номер двадцать семь и остановился в виду «глазка» видеокамеры, озирающего с высоты верхнего косяка калитки все подходы к дому.

Теперь следовало играть очень убедительно. Он вышел из машины, озабоченно обошел ее два раза кругом, недоуменно оглядел колеса, затем «обнаружил» прокол и досадливо хлопнул себя по ляжкам. Ругаясь вполголоса, он присел на корточки, потыкал рукой в колесо, о чем-то подумал и полез в багажник. Запаска там была, но не было домкрата. Роман

перекопал весь багажник, но домкрата так и не нашел (на всякий случай он припрятал его под заднее сиденье, чтобы игра вышла как можно более правдивой).

С сердцем пнув ногой пробитую покрышку, Роман начал озирать улицу в поисках возможной помощи. Улица была пустынна, как ни крутил он головой. Делать нечего, надо обращаться к жильцам.

Он подошел к воротам дома, стоящего напротив дворца Зимянина (этот дом был попроще и не имел видеонаблюдения), и сделал вид, что нажимает кнопку звонка. Те, кто наблюдает за ним из дома двадцать семь, ничего не должны заподозрить. Подождав минуты три и сокрушенно покачав головой, Роман перешел улицу и позвонил в ворота двадцать седьмого дома. А что ему оставалось делать, позвольте спросить?

– Что нужно? – слышалось из динамика.

Ага, раз уже отвечают грубо, то, значит, видели все метания горе-водителя и на приманку клюнули.

– Извините, – вежливо, но спокойно сказал Роман, – у меня тут небольшая авария. Пробил колесо, а домкрата нет. Может, выручите?

– Че у нас тут, автосервис? – спросил грубиян.

– Да нет, я же не прошу поменять мне колесо. Я сам могу это сделать. Может, вы одолжите домкрат на полчаса? Если, конечно, он у вас есть...

– Домкрат-то есть. Только не наше это дело.

– Да я заплачу, – взмолился Роман. – Только выручите, прошу вас.

– А ты кто такой? Чего тут делаешь? Что-то я тебя ни разу не видел.

– Да я из риелторской фирмы, из Москвы. Осматривал участок под продажу тут неподалеку. Ну и на что-то напоролся задним колесом. Запаска-то у меня есть, а домкрата не оказалось...

– Сколько платишь?

– Сто рублей...

– Ты че, мужик? – засмеялся невидимый охранник. – Да я за стольник с места не встану, не то что домкраты всем подряд носить буду.

– Ну, двести.

– Вызывай автосервис и не дури голову. К утру приедут, поменяют тебе колесо...

– Хорошо, дам пятьсот!

– Ладно, сейчас выйдет человек.

Роман покорно застыл под воротами, вслушиваясь в каждый шорох за ними. Вот хлопнула дверь, зазвенела собачья цепь. Ага, значит, собака на цепи, не в вольере. Это хорошо. По всей вероятности, она и ночью сидит на цепи. Содержится не столько для охраны как таковой, сколько для поднятия шума. Уже лучше...

Послышались чьи-то тяжелые шаги по бетонной дорожке. Звякнули запоры, калитка открылась. Перед Романом сто-

ял огромный парняга с наплечной кобурой поверх клетчатой байковой рубахи. Из кобуры демонстративно торчала рукоять пистолета.

— Гони бабки, — удивительно тонким голосом сказал громила, неприязненно глядя на Романа.

Это был не тот охранник, который разговаривал по домофону, у того голос был погуще. Значит, их тут не меньше двух. Хотя это неважно. Роман уже оценил их подготовку. Видно, Зимянин подбирал их под себя. Несмотря на грозный вид, это скорее сторожа, а не телохранители. Вот, выставил пушку, болван, напоказ, вместе со своим необъятным брюхом. Бойтесь меня, я ведь такой страшный! А самому невдомек, что Роман может выхватить у него эту пушку в долю секунды...

Ладно, сейчас, как говорится, не об этом. Роман кивнул, поковырялся в бумажнике и вручил вымогателю пятьсот рублей. Тот не поленился пересчитать и только после этого протянул ему через порог плохонький, заржавелый домкрат. Вот же жлобы!

— Только порезче, понятно? — пропищал добряк заплывшим горлом.

— Конечно, конечно, я понимаю...

Роман, «обрадовавшись», взял домкрат и направился к машине. Калитка позади него с грохотом закрылась. Ах, бдительный ты мой.

Стараясь не показывать слишком большой ловкости, но и

не затягивая процесс, чтоб не раздражать сторожей без лишней надобности, Роман заменил колесо и, подхватив домкрат, вернулся к калитке. Наблюдавший за ним через «глазок» охранник заранее открыл калитку и протянул руку за домкратом. Но тут случился небольшой конфуз. Торопясь вернуть инструмент, Роман оступился, споткнулся и полетел через порог, едва не сбив охранника с ног.

– Ты че делаешь, твою мать! – заверещал тот, хватаясь за ногу.

Выроненный Романом при падении домкрат чувствительно треснул его по голени.

Сидевший на цепи пес, раскормленный, лохматый кобель неясной породы, взлаял было при виде влетевшего в ворота чужака, но тут же и замолчал, лениво помахивая хвостом.

– Простите, ради бога, я споткнулся, – поднимаясь с земли, начал извиняться Роман. – Вы ударились?

– Под ноги смотреть надо! – потирая ногу, шипел охранник.

– Да я нечаянно, извините... – вертелся Роман вокруг благодетеля, отыскивая возможное ранение на его могучем торсе и крупе. – Вроде все обошлось...

– А ногу мне кто побил?! – запищал охранник. – У-у, черт!

– Простите, я не хотел... – лебезил Роман. – Так получилось...

– Ладно, все, давай отсюда, – начал выталкивать его охранник за ворота. – Достал ты меня...

Роман что-то пробормотал напоследок невнятное и вышел на улицу. Отлично. Все, что требовалось, он успел рассмотреть. Больше тут делать нечего. По крайней мере, сегодня.

Он сел в машину и, весело насвистывая «Гори, гори, моя звезда», поехал на встречу с одним очень важным для него человеком.

Человек этот был некто Жорик. Просто Жорик, без фамилии и без отчества. Вся московская богема, не исключая зеленых, только-только получивших известность, юнцов, фамильярно звала его Жориком, и он охотно откликался, хотя лет ему было далеко за шестьдесят, а может, и за семьдесят.

Это был элегантно одетый, высокий, лысый, дряблый, с отвислыми плотоядными губами и громадным носом жизнелюб, имевший небрежные и обаятельные манеры человека, выросшего в самом что ни на есть высшем обществе. Род его занятий определить одним словом было трудно. Но если требовалось узнать о подводных течениях светской жизни столицы, или достать билет на громкую премьеру знаменитого театра, или получить доступ в элитный клуб, или быть представленным известному продюсеру, обращались к Жорику, и всегда он – разумеется, за определенную таксу – оказывал быстрое и результативное содействие.

В половине десятого Роман вошел в ресторан «Орхидея». Жорик сидел за своим столиком, в дальнем углу у окна. Завидев Романа, он приветственно махнул рукой. Метрдотель

почтительно проводил Романа к нему, вручил меню и на цыпочках удалился. Жорик был здесь завсегдатаем, к тому же весьма щедрым на чаевые, так что к нему и к его гостям относились с большим пиететом.

– Прости, дорогой, чуть задержался, – сказал Роман, пожимая мягкую, вздутую, как бы лишенную костей руку Жорика.

– Ничего, ничего, молодым простительно, – ощерив в улыбке белоснежный ряд металлокерамики, возразил Жорик. – Присаживайся.

– Благодарю.

Роман уселся за стол, небрежно отложив меню в сторону.

– Торопись? – спросил Жорик, от выцветших глаз которого ничего не укрывалось.

– Не очень.

– Может, коньячку для начала? – Жорик приподнял бутылку «Хеннесси». – Давно не виделись.

– Спасибо, не могу, – мягко улыбнулся Роман. – За рулем...

– А, да, да... – покивал Жорик. – Правила нарушать нельзя. Ну, тогда бокальчик белого? Ты вообще ужинать будешь? Сегодня отличный лосось. Я нынче богат, так что угощаю.

– Ну, от бокальчика белого не откажусь, – сдался Роман. – И от лосося. Тем более если угощают...

Жорик удовлетворенно кивнул, сделал знак метрдотелю. Тот поспешил на кухню распорядиться, чтобы готовили и го-

стю.

Роман сел свободнее, огляделся. Зал был заполнен наполовину. На маленькой эстраде небольшой оркестр играл мягкую, южную музыку. Звуки медленно, тягуче текли в зал, заставляя забыть о суете за дверями. Под эту музыку хотелось всю жизнь просидеть за уютным ресторанным столиком, ни о чем не думая, никуда не торопясь, ничего не желая.

– Ну, за встречу? – сказал Жорик, поднимая рюмку с коньяком.

– За встречу, – кивнул Роман, поднимая бокал с вином.

Они церемонно чокнулись и выпили. Жорик лишь пригубил.

– Прекрасное вино, – похвалил Роман, доставая сигареты.

– Рад, что тебе понравилось.

– Ты сегодня один, – заметил Роман, закуривая. – Я удивлен.

– Сейчас придут мои друзья. Через полчаса, – уточнил Жорик, глянув на часы. – Так что и на лосося, и на разговор у нас время будет. Кстати, ты слышал новость? Григорьев опять ушел от своей благоверной.

– Да ну?

– Точно, сведения самые верные...

И Жорик неторопливо пустился пересказывать последние – и довольно невинные – московские сплетни. О деле – ни слова. Еще бы! Это было бы дурным тоном, говорить о делах в начале встречи. О пустяках – долго и увлеченно, о важном

– вскользя и как бы между прочим, – это и был настоящий шик высшего общества, которым Жорик владел в совершенстве.

Принесли лосося. За неторопливой, приятной беседой Роман с аппетитом поужинал, выпил еще один бокал вина. Жорик промокнул салфеткой углы отвислых губ, сделал глоток вина, прополоскал рот, осведомился у Романа, как ему понравился лосось, и только после этого, будто случайно вспомнив, спросил:

– Так что ты говорил об «Эгейском море»?

– Мне нужен билет туда.

– Для кого? Для тебя?

– Нет. Для одного человека.

– Человек надежный?

– Надежный.

– Хорошо, – кивнул Жорик. – Мне пришлось поручиться...
ся...

– Я понимаю. Проблем не будет.

– Вот билет, на одного человека. С завтрашнего дня. На месяц.

Он положил на стол перед Романом яркую глянцевую картонку.

– Что я тебе должен? – спросил Роман, не трогая билет.

– Это я тебе был должен, – сказал Жорик, доставая из портсигара длинную коричневую сигарету. – Так что теперь мы квиты.

– Тогда – спасибо.

– Рад был помочь. А вот, кстати, и мои друзья! Привет, привет!

К столу, весело переговариваясь и громко смеясь, подошли двое молодых мужчин в умопомрачительных костюмах и юная полуодетая – или полураздетая – красотка – восходящая звездочка поп-музыки. Все они шумно полезли к Жорику целоваться, точно щенята к старому, добродушному псу. Ребятки явно нюхнули порошочка. С кем из них Жорик будет сегодня спать? Вероятно, со всеми сразу. Старичок любил сладенькое на десерт. Роман раскланялся, сунул билет в карман и удалился. Пожалуй, лучше, если эта вечеринка продолжится без него.

Впрочем, вечер был еще далеко не закончен. Вернее, он только начинался.

Сидя в машине, Роман тщательнее рассмотрел билет в «Эгейское море». Солидная картонка. С голограммой, с неоновой печатью. На улице не найдешь. Все-таки Жорик свое дело знал. Только позвонил ему сегодня днем, – и вот пожалуйста, билет в кармане. А ведь простым смертным такие картонки не раздают. Люди там собираются очень непростые и лишь бы кого видеть в своем клубе не хотят. Так что Жорику, несмотря на равнодушный вид, пришлось напрячься. А что денег не взял – так это объяснялось просто. С полгода назад Роман помог ему, используя свои служебные связи, найти одного очень важного человечка – и Жорик услуги не

забыл, как не забывал, несмотря на возраст, вообще ничего.

Оставив Жорика, Роман поехал на другой конец Москвы, в ночной клуб «Лео». Туда можно было не торопиться. Жизнь там начинает кипеть не раньше полуночи, и нужный ему человек должен явиться примерно к этому времени.

В «Лео» Роман сел подальше от танцевального пятачка, гремевшего супермодной музыкой. Услужливый официант устроил его на удобный кожаный диванчик за одним из свободных столиков. Диванчик стоял на небольшом возвышении, и Роман отлично видел с него вход в клуб и пространство перед барной стойкой.

Потягивая свой любимый коктейль из числа слабоалкогольных – капля джина и ананасовый сок, – он рассматривал посетителей, гадая, будет ли сегодня тот человек, который ему столь необходим.

С некоторыми из гостей он здоровался, хотя знакомых встречалось немного. Это было по преимуществу молодежное заведение, и люди под сорок заходили сюда нечасто.

Зато юноши и девушки – все далеко не из бедных семей – чувствовали себя здесь как у себя дома. Нравы в клубе царили самые свободные, в духе времени, так сказать, и даже привычный ко всему Роман диву давался, наблюдая, с какой легкостью сплетаются в объятиях и взасос целуются парень с парнем или же девушка с девушкой. Порой даже и понять было трудно, из-за причесок и одежды «унисекс», какого пола тот или иной молодой человек. Привести бы сюда на экс-

курсию генерала Слепцова, думал Роман, пусть бы тот хоть раз увидел своими глазами, как проводит время поколение «пепси». То-то бы глаза на лоб полезли!

Официант подсадил к нему за столик двух спелых девиц лет двадцати. Те, оценив бежевый костюм Романа, шелковую лиловую сорочку и часы от Картье, начали было его усердно клеить, но Роман, посмеиваясь, вежливо дал им понять, что у него тут деловая встреча. Девушки, ничуть не расстроившись, выпили по большому стакану крепчайшего коктейля, заказали еще и деловито стали искать другого клиента.

Наконец, уже около двенадцати, Роман увидел того, за кем он пришел. Высокий стройный брюнет со смазливой, капризной мордочкой всеобщего любимца вошел в зал, небрежно со всеми здороваясь. Длинные блестящие волосы падали на плечи, расстегнутый ворот рубашки открывал загорелую мускулистую шею и грудь. Эдакий тип неотразимого красавца, одинаково привлекательный для стареющих богатых дам и мужчин.

Звали этого красавца Люсьен, и он в самом деле был неотразим, особенно для пожилых гомосексуалистов, чем, собственно, и представлял интерес для Романа, как приманка, на которую должен клюнуть Зимянин.

Люсьен – это, конечно, была клубная кличка, настоящего его имени никто не знал. Зато хорошо знал его Роман, и ему также было известно, что Люсьен промышлял не только торговлей своим холеным телом, но и распространением

«экстази» среди молодежи. И вот здесь-то он был у Романа в руках.

Некоторое время Роман наблюдал за передвижениями Люсьена по залу. Тот уверенно плавал в танцующей толпе и среди столиков, здороваясь с одними, перешучиваясь с другими, иногда на несколько минут задерживаясь то здесь, то там, производя быстрые расчеты, затем неторопливо двигался дальше.

Вот он оказался возле стола Романа. Знакомы они не были, но видели друг друга не раз, и Люсьен приветственно кивнул Роману.

– Задержись на секунду, – дружелюбно сказал ему Роман.

– Что такое? – улыбнулся сахарными зубами Люсьен, останавливаясь у стола.

– Дело есть, поговорить надо.

– Я весь внимание, дорогой, – садясь на диван, пригнулся к нему Люсьен.

Он готов был решать дела где угодно и с кем угодно, лишь бы это отозвалось быстрым и существенным наваром. Как и многие его собраты по образу жизни, Люсьен до дрожи любил деньги и сильно бы посмеялся, если бы кто-нибудь попытался упрекнуть его в аморальности. Плевать он на все хотел. Только деньги дают человеку возможность жить так, как ему хочется, и совершенно неважно, каким способом эти деньги добываются.

– Нет, тут мы не поговорим, – покачал головой Роман. –

Слишком громко. Да и людей много. А дело серьезное, надо все обсудить подробно. Пойдем в туалет.

– Пойдем, – сразу согласился Люсьен, не чуя никакой опасности от этого красивого, несколько изнеженного на вид мужчины.

Он вскочил с места и первым направился в сторону туалета. Роман шел за ним, невольно любуясь его легкой танцующей походкой и стройной, широкоплечей фигурой. Экземпляр был хорош, ничего не скажешь. Такому бы жениться, нарожать кучу чудных детишек, ходить на работу, любить жену...

Так нет, с юных лет испорченный желанием «выбиться в люди», он считает свое полупреступное и развратное существование чем-то само собой разумеющимся и даже не помышляет о так называемой «нормальной» жизни, считая ее уделом работяг и простаков. Grimасы большого города. Сколько тут таких дурачков с намертво искривленной психологией? Сотни, тысячи, и никогда они не переведутся, как не переводятся соблазны, их порождающие.

Оказавшись в туалете, Роман убедился, что в обеих кабинках никого нет, и плотно прикрыл входную дверь. В принципе лучше было бы вывести Люсьена на улицу, но тот может заартачиться, почуяв неладное, а Роману не хотелось раньше времени начинать боевые действия. Может, удастся договориться тихо-мирно, без лишнего шума и хватания за ворот.

– Ну, что там у тебя? – кокетливо пропел Люсьен, любуясь на себя в зеркало и подправляя пальцем локоны у щеки.

– Есть одно интересное дельце... – убедившись, что кабинки пусты, сказал Роман.

– Ну, говори, что за тайна? Время – деньги.

– Согласен, – кивнул Роман. – Короче: мне нужна твоя помощь.

– Да-а? – протянул Люсьен. – Любопытно. Вообще-то, до-рогуша, я по туалетам давно не работаю. Но для тебя – все, что хочешь... И денег не возьму. Как ты хочешь, сзади или спереди?

– Сбоку!

Роман почувствовал, что кое к чему в этой своей новой жизни он так никогда и не привыкнет, и едва сумел справиться с приступом гадливости. Ну, товарищ генерал, спасибо, удружил с заданьем.

– Что такое? – совсем по-женски захлопал ресницами Люсьен. – Я не совсем понимаю...

– Сейчас поймешь.

Роман достал из кармана пиджака билет в «Эгейское море», показал Люсьену:

– Этот клуб знаешь?

– Знаю...

– Завтра ты пойдешь туда. Там ты увидишь этого человека, – Роман достал фотографию Зимянина, вручил недоумевающему Люсьену. – Его зовут Зимянин Александр Ивано-

вич. Познакомься с ним, понравься ему. Если ты ему понравишься – а ты ему обязательно понравишься, – вы поедете к нему домой. Ночью ты откроешь окно ипустишь меня внутрь. Через час-полтора я уйду, никто меня не заметит. Вот и все. Тебе ничто не грозит. Просто, верно?

– Что это за свинья? – разглядывая фото Зимянина, скривился Люсьен. – И с какой стати я должен с ним знакомиться?

– Потому что я тебя об этом прошу.

– А кто ты такой, чтобы я тебя слушал?

– Неважно, кто я такой. Важно, чтобы ты все сделал правильно.

– А если не сделаю?

– Если не сделаешь, – поскучнел Роман, – то тогда, гражданин Булавкин Вячеслав Васильевич, на тебя будет заведено уголовное дело за незаконную торговлю наркотиками. Оперативная съемка и показания свидетелей имеются... Так что минимальный срок в три года тебе обеспечен. Вот ведь какая ерунда...

– Господи, так ты мент?! – с ужасом и отвращением прошипел Люсьен.

– Я не мент. Иначе разговаривал бы с тобой в другом месте. Но специфика моей работы требует иногда некоторой грубости. Если не понимают по-хорошему, приходится прибегать к запрещенным приемам, в том числе и таким...

Дверь туалета распахнулась. Вошли двое крепких парней,

неприязненно глядя на Романа.

– Что такое, Люсьен? – спросил один из них, бритый наголо качок с кувалдами вместо кулаков.

– Он тебя обижает? – спросил второй, подпирая мощным плечом первого.

Люсьен молчал, красноречиво глядя на них. Это были охранники клуба, подзарабатывающие на том, что «крышевали» здесь торговлю Люсьена.

– Эй, дядя, – первый амбал расценил взгляд Люсьена как просьбу о помощи и тронул Романа за рукав. – Ты чего пристал к нашему другу?

– Парни, – миролюбиво заговорил Роман, чуть меняя позицию, – сейчас мы договорим – и больше мне ваш друг не нужен. Вышли бы вы отсюда, а?

– Ты че, мент? – на всякий случай осведомился второй охранник.

– Да не мент он! – не выдержал Люсьен. – Так пристал, ненормальный какой-то... Угрожает!

Похоже, он решил любым способом вырваться из туалета и податься в бега. Обычная тактика всего этого гнилого племени. Не слишком эффективная, надо сказать, тактика.

– Ну, если не мент...

Первый костолом обманчиво медленно шагнул к Роману – и вдруг стремительно схватил его за кисть. Наверное, он намеревался как минимум оторвать обидчику Люсьена руку.

Роман легчайшим движением избежал захвата и с лету,

подавшись вперед, ткнул согнутыми костяшками пальцев нападавшему под нос. Тот вскрикнул от боли и, зажимая лицо, отшатнулся в сторону.

Второй охранник с руганью кинулся на Романа, занеся кулак для убийственного удара. Роман пригнулся, пропуская кулак над собой, скользнул в сторону и с разворота, вдогонку ударил налетавшего пяткой по затылку. Тот воткнулся головой в стену и со стоном сполз на пол.

Люсьен, вжимаясь спиной в угол, со страхом – но уже и с некоторым восхищением – смотрел на совершенно спокойного Романа, который с видом постороннего ожидал дальнейших действий своих противников.

Первый охранник, шмыгая окровавленным носом, стоял перед Романом, в нерешительности кидая взгляды на своего напарника. Тот сидел на полу и щупал разбитую макушку. Крови было немного, но глаза его были бессмысленны, как у сумасшедшего. Кое-как он поднялся, придерживаясь за умывальник.

– Парни, – сказал Роман участливо. – Я же вас просил: дайте поговорить – и мы мирно разойдемся. Зачем из пустяка делать большую проблему?

Парни явно не понимали, что происходит. Как этот художничек с такой легкостью расшвырял двух накачанных тяжеловесов? В чем подвох? И что будет с ними, если они попробуют напасть на него снова?

Но больше всего их озадачивало спокойствие Романа.

Как известно, оно подавляюще действует на агрессивных собак и туповатых, мускулистых субъектов. Особенно если этих субъектов хорошенько приложили головой о что-нибудь твердое.

– Ну что, разойдемся по-доброму? – предложил Роман еще раз.

Охранники переглянулись. Они уже смекнули, что Роман не совсем тот, за кого себя выдает. А если так, то лучше уносить ноги, а то можно на такое нарваться, что потом не вылечишься за всю оставшуюся жизнь.

– Люсьен, ты тут, короче, сам... – прохрипел первый витязь, подаваясь задом к двери.

Второй торопливо последовал за ним. Все-таки здравый смысл им пока не изменил.

– Да, да... Ладно, – пролепетал Люсьен. – Я сам...

– Ребята! – окликнул уползавших в дверь охранников Роман, и те невольно вздрогнули. – Вы там постоитте пару минут снаружи, чтобы нам не мешали. Хорошо? Только шум не надо поднимать, вам же хуже потом будет.

– Угу, – пробурчал кто-то из них, и дверь осторожно закрылась.

– Ну вот, – улыбнулся Роман, шагнув ближе к Люсьену, – все, оказывается, можно объяснить и на словах. Ты со мной согласен?

– Конечно... – торопливо закивал Люсьен.

– Отлично. Тогда внимательно слушай дальше. Значит,

завтра ты едешь в «Эгейское море». Так?

– Да, да...

– Там ты познакомишься с Зимяниным. Постарайся сделать все, чтобы он тобой заинтересовался.

Люсьен, потихоньку смелея, кокетливо улыбнулся:

– Да куда этот пузырь от меня денется?

– Ну вот, я знал, что не ошибусь в тебе. Дальше просто: вы едете к нему в загородный дом. В два часа ночи ты откроешь мне любое окно в нижнем этаже справа от фасада. Если завтра клиента в «Эгейском море» не будет, переносим операцию на послезавтра. И так до тех пор, пока он не появится. Хотя там он бывает каждый день, и, скорее всего, завтра вы обретете друг друга... Вот, собственно, и вся услуга. Зато сколько пользы! Заведешь связи в «Эгейском море», – а просто так туда не попадешь, думаю, это тебе известно. Кстати, билет действителен в течение месяца. И все бесплатно. Клиент, опять же, не бедный, так что внакладе не останешься. Я буду помнить твою услугу, что автоматически защищает тебя от ареста. Моего человека милиция не тронет, ясно?

– Ясно.

– Так что после всего можешь дышать спокойно и жить, как жил. Хотя, конечно, с наркотой завязывай. Рано или поздно попадешь под раздачу, свои же где-нибудь и пришьют.

– О господи, вы тоже скажете...

– Ладно, сам взрослый, тебе решать, как жить. Значит, мы

договорились?

– Договорились.

– Вот и умница. Кажется, мы станем с тобой большими друзьями.

– Я не против, – игриво повел плечом Люсьен. – Но как вы этих отделали! Просто класс! Как в кино. Вы из какой-то спецслужбы, да?

– Из какой-то... Теперь самое главное: держи язык за зубами. Никому ничего о нашем договоре. Если эти начнут спрашивать, наври что-нибудь про новый товар, который я тебе якобы предлагал.

– Да этого вы мне могли бы и не говорить. Что я, дурак, сам не понимаю?

– Надеюсь, что не дурак. Все, до завтра... И еще, – Роман придвинулся к лицу Люсьена, пронзительно глянул ему в глаза, – не вздумай играть со мной. Под землей найду!

– Ну что вы! – затряс Люсьен своими кудрями. – Зачем мне делать себе хуже? Лучше уж с вами, чем против вас.

– Вот это мудро. Продиктуй-ка мне номер своего мобильного. Связь не помешает.

Люсьен назвал номер, почтительно подождал, пока Роман внесет его в память своего телефона.

– Ну все, пока, до завтра. Не забудь: в два часа ночи, в нижнем этаже, справа от фасада.

– Я помню, вы только не опаздывайте...

– На первое свидание? Как можно!

Роман махнул рукой и вышел из туалета. На входе спокойно дежурили охранники, собрав очередь из трех недоумевающих человек.

— Благодарю за службу, ребята, — кивнул им Роман. — Все нормально, можете отдыхать.

На сегодня все его дела были сделаны. Он вышел на улицу, с удовольствием вдохнул свежий ночной воздух. А теплеет уже заметно — хорошо. Скоро май, а за ним лето — самая любимая пора. Заработать денег — и куда-нибудь к южным морям месяца на два. Вот только надо сначала заработать.

Так, «Нефтехим». Черт, необходимо что-то срочно предпринять, а то, чего доброго, дело сорвется, и Леня, осерчав, бросит его за ненадобностью. А этого очень не хотелось бы. Кому он еще, кроме Лени-то, нужен? Ровным счетом никому. Без Лени он бездарный нищий, и это еще самое легкое определение. Значит, надо работать, и работать усердно. Хоть разорвись, как было сказано, но нужную информацию добудь. И точка.

А пока, ввиду завтрашнего дня и беспокойной ночи, нужно было воспользоваться возможностью и, как это делалось в армии, хорошенько выспаться наперед. Никогда не помещает.

Москва, 30 апреля

Почти весь день Роман провел в самых разнообразных хлопотах. Не слишком рано проснувшись, он для начала влез в компьютер и выписал номера телефонов офиса Зимянина. Затем, представляясь секретаршам фермером из-под Тамбова, интересующимся крупными поставками ядохимикатов, он подробно разузнал, каковы планы их босса на ближайшие дни.

Оказалось, что срочных командировок пока не предвидится. Александр Иванович до конца недели будет находиться в Москве. Так что милости просим, приезжайте из вашего Тамбова, он всегда готов заключить с клиентом самый выгодный для него – то есть для клиента – контракт. Ну и замечательно, ну и славно, непременно приедем. Итак, положив трубку, решил Роман, все идет по плану. Коль Зимянин не в отъезде, то не сегодня завтра он обязательно появится в клубе. А там его будет поджидать томный красавчик Люсьен, который свое дело знает.

Пообедав дома, Роман пару часов провел в разъездах по магазинам.

Сначала он навестил магазинчик спецснаряжения. Тут он приобрел удобный черный комбинезон из легчайшего синтетического материала и шапочку-спецназовку. Заодно уж захватил черные кроссовки на легкой, резинистой подошве и

кожаные перчатки.

Потом он заехал в магазин компьютерной техники, купил пару новейших дисков. Небольшие, словно брелоки для ключей, они обладали колоссальным объемом памяти. Для скачивания личной документации вполне достаточно.

В магазине электротоваров Роман купил маленький мощный фонарик.

Возвращаясь домой, он зашел в гастроном и в мясном отделе взял громадный кусок свежей говяжьей вырезки. Пустобрех в поселке Лосиный будет просто счастлив такому довеску к хозяйскому пайку.

В итоге от выданной Слепцовым суммы осталось меньше трети. И как тут сражаться с негодяями? Вообще, все, что Роман покупал в магазинах – кроме мяса, разумеется, – он мог бы получить в родной конторе. Шпионских прибамбасов там хватало. Но для того, чтобы все это получить, требовалось заполнить кучу бумаг и заверить эти бумаги кучей подписей, что для любого нормального человека было пыткой. Но и это еще не все. После «дела» казенное имущество нужно было вернуть обратно в целости и сохранности, поскольку за его порчу безжалостно высчитывали из зарплаты. И где справедливость?

Зная всю эту волокиту, Роман предпочитал обходиться своими силами и, если не возникала необходимость в тяжелой технике, никогда не связывался с бюрократами в погонах. Чем меньше с ними имеешь дел, тем свободней себя

чувствуешь во время операции. По крайней мере, при составлении рапортов не надо сверяться с отчетностью по использованию инвентаря.

Дома он сокрушенно подумал, что поручение Лени им пока не выполняется. Вот напасть с этим заданием. До чего ж нехстати. Надо было Слепцову вспомнить о капитане Морозове? И добро бы, дело государственной важности. А то просто курам на смех. Люсьены какие-то, гей-клубы... Тьфу. Действительно, послушать Леню – а он плохого не посоветует – и бросить все это к ядрене фене. Все равно спасибо не скажут.

Запищал мобильный. Роман глянул на табло. Опять Вероника. Экая неумная бабенка. Сказаться занятым и от встречи увильнуть, решил Роман твердо. Столько дел впереди, плюс «Нефтехим» покоя не дает, надо с ним срочно как-то разбираться, искать нужных людей, договариваться о встрече, проводить комбинации, одним словом, не до любовных схваток...

Но когда услышал хриловатый, мурлыкающий голос Вероники, почувствовал, что не хватит сил отказать ей. Да ну их, эти дела! Все дела, как ни упирайся, все равно не переделаешь. А тут такое «боди», живое, нежное, отзывчивое на малейшее прикосновение. Наступать самому себе на горло? Зачем тогда жить...

– Жду... – сказал Роман и отправился в ванную – освежиться перед приездом любовницы.

30 апреля, вечер

Время близилось к десяти часам, а Зимянин еще в клубе не появлялся.

Роман, отправив часов в семь Веронику, начал названивать Люсьену, выясняя, где он находится и как скоро собирается в «Эгейское море».

Люсьен от принятых обязательств не уворачивался и четко доложил, что сейчас находится у стилиста, чтобы часов в восемь, в полном блеске, пойти в клуб. Роман его от души похвалил и пожелал удачи. Ну, коль Люсьен настроен столь решительно, клиент не уйдет.

Однако время шло, а Зимянина в клубе все не было. Что ж, решил Роман, значит, не сегодня. Ладно, нам не впервой, подождем до завтра. Мясо в холодильнике, не испортится. А Люсьен проведет разведку, будет себя в другой раз уверенней чувствовать. Он, бедный, сейчас отбивал атаки жаждущих познакомиться с ним. Надо думать, он произвел там впечатление. Жалко все же, что его настрой будет несколько подпорчен. Ну да ничего, он парень закаленный, перетерпит.

Роман совсем уж было прилег к телевизору и даже налил себе коньяку из последних запасов, чтобы по всей науке расслабиться и, после изрядно умотавшей его Вероники, завалиться к чертовой бабушке спать, раз ночной выезд отменяется, когда раздался неожиданный звонок от Люсьена.

– Алло... Простите, вы не разрешали мне вам звонить. Но дело срочное, а ваш номер у меня в памяти...

– Да, говори, что случилось? – вскочил Роман.

– Десять минут назад тут появился Александр... Ну, ваш этот толстяк. Он сразу запал на меня – и теперь мы едем к нему. Так быстро все произошло, я сам не понял. Он только меня увидел – и все...

– Наверное, это любовь с первого взгляда. Куда вы едете, он тебе сказал?

– Нет, адреса не называл. Но сказал, к нему домой.

– Ладно, я понял. Дальше как договорились.

– Хорошо, я помню. Все, мне пора, он ждет...

– Давай...

Роман перелил коньяк из фужера обратно в бутылку, быстро собрался. Пока что он оделся в обычную одежду. Все, что требовалось для операции, уложил в сумку и бросил ее на заднее сиденье автомобиля.

Сейчас главное было – не ошибиться. Если Зимянин повез Люсьена за город – это замечательно. Ну, а если влюбленные поехали на Ленинградский проспект? Что, если Зимянину не терпится и он в порыве страсти рванул куда поближе?

Хорошо бы, думал Роман, Люсьен умудрился позвонить ему еще раз. Конечно, это рискованно, за ним могут следить телохранители Зимянина. И сам Люсьен наверняка это понимает.

Но, может, как-нибудь извернется? Конечно, надо было дежурить у клуба, но Роман поленился сидеть в машине несколько часов кряду. Не тот случай, чтобы утруждаться до такой степени. Да к тому же, если бы Зимянин не пришел сегодня, пришлось бы караулить и завтра, а вполне возможно, еще и послезавтра. А столько вечеров торчать в машине – это уже перебор. Для такого задания слишком много усилий, а Роман не любил изводить себя понапрасну черной работой. Все одно генерал Слепцов не оценит его жертв, так почему бы не подождать клиента в более комфортных условиях?

В конце концов, уже подъезжая к Кольцевой, Роман решил, что Зимянин от него никуда не денется. В самом деле, он поехал пораньше домой с новым любовником именно потому, что им учитывалась дорога до особняка. Именно поэтому он не стал засиживаться в клубе и сразу отбыл. До Ленинградки пять минут езды, туда он не стал бы торопиться. Значит, он едет за город.

Хотя, конечно, не мешало бы знать более точно. Вот почему иногда плохо работать в одиночку. Вся надежда только на себя. Некому провести наружное наблюдение, некому позвонить из конечной точки. Все сам и только сам. С одной стороны, свобода, никто тебе не мешает, лети куда хочешь. С другой – вечный риск взять неверный след и потерять уйму времени.

Но Роман верил в свою интуицию. Она его подводила редко, это еще в свое время генерал Антонов отмечал не без

доброй зависти.

И предварительный анализ был им проведен довольно тщательно, так что пока для особых волнений серьезных причин не было.

Он выбрался на шоссе и не слишком быстро, чтобы не нарываться на душевный разговор с гаишником, покатыл в сторону Лосинового. Торопиться ему нет резона. Сейчас только без четверти одиннадцать. Пускай там мальчишки развлекаются. Надо думать, до двух ночи Зимянин натешится и смежит усталые вежды. Эти порывистые толстяки быстро устают. Главное, чтобы он Люсьена не заездил вусмерть. А то если и тот заодно смежит, то конец всей операции...

Но эту мысль Роман немедленно отогнал. Люсьен – жеребчик молодой, крепкий, на таком всю ночь гарцевать можно. Ну, и соображать опять-таки должен: выспаться не поздно в другой раз, а сегодня надо силенки для дела оставить.

Вот и Лосиный. Хорошо помня расположение всех поворотов и дома Зимянина, Роман не поехал по главной улице. Вдруг охрана узнает его машину? Конечно, в темноте и на скорости это маловероятно, но лучше все же зря не рисковать. Роман знал, что неприятные вещи случаются именно в тот момент, когда их вероятность понижена практически до нуля.

Он свернул в один отдаленный тупичок и заглушил мотор. Что ж, надо подождать каких-то два часа – мелочь. Несколько раз он порывался звякнуть Люсьену на мобильный, но так

и не стал этого делать. Как знать, насколько бдительна охрана? Раз Люсьен не звонит, то, вероятно, присмотр за ним осуществляется плотный. И самому подставлять своего агента не стоит.

Не теряя надежды все-таки дожидаться звонка от Люсьена и прокручивая в уме детали предстоящей вылазки, Роман досидел в машине до половины второго ночи. Люсьен так и не объявился.

1 мая, поселок Лосиный, ночь

Роман вышел из машины, прислушался. Его окружала сплошная темень. Луна, изредка выглядывая из-за облаков, слабо освещала силуэты домов и далекие кроны деревьев. В поселке было совершенно тихо, народ давно улегся почитать. За все время, что Роман здесь был, никто не обеспокоился его присутствием. Поскольку он сюда приехал уже затемно, то, скорее всего, его вообще никто не видел. Тем лучше.

В пять минут он натянул поверх джинсов и майки комбинезон, надел кроссовки, крепко зашнуровал. Все нужные предметы были им заранее разложены по карманам. Надев шапочку и откатав вниз края, он стал практически невидим. Экипировку завершили тонкие кожаные перчатки.

До назначенной встречи оставалось двадцать минут. Роман захватил бумажный сверток с мясом и быстрым шагом направился к дому Зимянина.

Главная улица была освещена фонарями. Это мало смутило Романа. Фонари горели вполсилы и стояли довольно далеко друг от друга. Обитатели поселка не хотели, чтобы ночью им в окна бил яркий свет. Скользя быстрой тенью, Роман мгновенно проскакивал освещенные пятачки и затем, двигаясь вдоль темных заборов, невидимкой двигался дальше.

Вот и каменный забор Зимянина. Роман посмотрел на ча-

сы. Без десяти два. Самое время.

Он подпрыгнул, ухватился за гребень забора и через три секунды был наверху.

Пес, как ни тихо двигался Роман, услышал шорох и, ворча, вылез из будки.

Но тут у самого его носа шлепнулся сочный кусище говядины. Это было странно и вызывало подозрение, но от мяса шел такой запах, что верный страж вильнул хвостом, опустил морду и, забыв о долге, жадно запустил зубы в подачку. В самом деле, разве плохой человек будет угощать его таким роскошным блюдом?

Роман соскользнул с забора и, прижимаясь к нему плечом, двинулся по периметру к правой стороне дома. Вчера он успел заметить, что здесь установлена всего одна камера наблюдения. В ее поле зрения попадал почти весь двор перед фасадом дома, но забор она не контролировала. Пес был поглощен мясом и к Роману, от которого исходил тот же божественный запах, что и от лежащего перед ним куса, вражды не выказывал. Что он, дурак, что ли? Дали один раз – дадут и второй.

Роман, прячась в тени забора, обогнул дом спереди и в несколько стремительных прыжков преодолел расстояние от забора до боковой стены дома.

Тут он сразу припал к земле, сливаясь с фундаментом, и, затаив дыхание, прислушался. Тишина мертвая. Слышно только, как пес расправляется с мясом – и больше ни звука.

Что ж, теперь вся надежда на Люсьена. Все окна в доме были оборудованы сигнализацией, причем весьма чувствительной. О том, чтобы по старинке вырезать снаружи кусок стекла и, просунув руку, открыть замок, не могло быть и речи. Эти новейшие системы реагировали на малейшую вибрацию. Только начни вести стеклорезом – сразу зазвенит. Да и весьма вероятно, что сами стекла пуленепробиваемы, такие никаким стеклорезом не возьмешь.

Так что единственная возможность проникнуть в дом – открыть окно изнутри. Но это, конечно, если хочешь все сделать тихо. Вот ребята на даче банкира не стали засылать агента и прятаться под покровом ночи. Днем, в открытую, положили всех, кого только можно, вошли в дом, там перебили всех подчистую, взяли, что нужно, и гордо улетели на чужом вертолете. Вот это размах!

Интересно, на кого работают такие молодцы? С ними ведь дело иметь опасно, Роман хорошо знал подобный народ. Эти спецы высшей категории цену себе знают. Они хоть и продают свои услуги, но ставят себя высоко и, ежели что не по ним, могут обратить оружие и против нанимателя. Такие случаи не раз бывали.

Надо думать, в этот раз наниматель понимал, с кем дело имеет? Группа диверсантов – немалая сила. Она может таких дел натворить – армия не расхлебает.

А что, если, мелькнула у Романа странная мысль, и сам наниматель был из «этих»? Из армейских то бишь? И на да-

че у банкира действовали не наемники – вольные стрелки, а реальные бойцы, посланные на конкретное боевое задание? Ведь может такое быть, что кто-то из генералов, обиженных на власть (а таких, кстати, всегда хватает), захотел сорвать большой куш и использовал вверенные ему силы? Может.

А почему нет? Преступники разве только среди гражданских существуют? Наряди любого генерала в цивильный костюм и усади в плетеное кресло ресторана на Минорке – вот он уже и не генерал вовсе, а солидный и уважаемый бизнесмен...

В этот миг послышался тихий стук в одном из окон над головой Романа, и он отвлекся от своих побочных размышлений.

На корточках он прокрался вперед, посматривая снизу на окна. Вот одно из них, отразив на мгновение мутно-серый край облака, бесшумно подалось вглубь. Из темноты дома высунулось бледное пятно лица.

– Где вы? – послышался дрожащий шепот Люсьена.

– Здесь, – выдохнул Роман, выпрямляясь.

– Ой! – выдохнул Люсьен, по-девичьи зажимая себе рот обеими руками.

– Тихо... – прошептал Роман, проскальзывая в щель. – Все нормально.

Он отстранил Люсьена и закрыл окно. В доме было тихо, лишь явственно слышался чей-то богатырский храп. От Люсьена пахло сладковатым одеколоном.

– Что это за комната? – шепотом спросил Роман.

– Бильярдная... – едва сдерживая дрожь в голосе, ответил из темноты Люсьен.

– А кто храпит? Охранник?

– Да...

– Где находится кабинет? Не выяснил?

– На втором этаже. Возле спальни.

– Молодец. Как настроение?

– Ничего...

– Что-то случилось? Чего ты боишься?

– Не по мне это, – признался Люсьен. – Страшно... Я хотел попросить: можно я больше таких поручений выполнять не буду? Я как-нибудь по-другому вам отработаю...

– Ладно, – прошептал Роман, – проводи меня до кабинета и иди спать. Больше я тебя трогать не буду.

– Вообще? – с надеждой спросил Люсьен. – Или только на время?

– Вообще.

– Обещаете?

– Да обещаю, – разозлился Роман. – Слово тебе даю. Все: ты мне помог – я тебя забыл. Идет?

– Идет! – повеселел Люсьен.

– Ну, тогда показывай дорогу, – приказал Роман. – Времени мало.

– Пойдемте...

Роман положил руку на голое плечо Люсьена – и тут же от-

дернул, подумав, что тот, верно, целиком обнаженный, стоит перед ним в темноте. Ладно, кое-что видно – для того, чтобы не потерять Люсьена из виду, достаточно. Обойдемся без тактильных контактов.

Следуя за едва различимым силуэтом, Роман вышел из бильярдной, пересек какое-то пространство, наверное, коридор, и начал подниматься по лестнице.

На втором этаже горел слабый неоновый свет, освещал просторную лестничную площадку и двери в обоих крыльях коридора.

Роман, вжимаясь в тень, ткнул пальцем Люсьену в спину над круглой ягодицей (красавец и в самом деле был полностью обнажен).

– Где кабинет?

Люсьен обернулся и чуть не вскрикнул, увидев перед собой черную маску Романа. Нервишки у парня и в самом деле были слабоваты.

– Вон там... – указал он вытянутой рукой на одну из дверей.

– Все, пока, – сказал Роман, тенью метнувшись по коридору.

– Люсьен! – послышался в этот миг громкий мужской голос из спальни. – Ты где?

Роман прилип к стене, сливаясь с ней, замирая, как бабочка на дереве.

– Иду... – отозвался Люсьен, входя в спальню.

– Ты где был? – спросил его тот же голос – явно хозяйский.

– Ходил в туалет. Что нельзя, да? Нельзя? – жеманничал Люсьен.

– Так здесь же туалет, в спальне. Вон дверь, я тебе показывал.

– Да я забыл, ходил по дому, искал, еле нашел, – с чисто женской обидой пожаловался Люсьен.

– Ну, иди ко мне, пупсик, я соскучился... Иди ко мне, милый...

Заскрипела кровать, раздались томные звуки. В тишине ночного дома все было слышно отчетливо, как в наушниках.

Роман придвинулся к двери кабинета, осторожно тронул ручку. Дверь была не заперта. Отлично. У него хоть и имелся при себе набор отмычек, но все-таки лучше обойтись без лишней возни.

Он проскользнул в кабинет, закрыл за собой дверь. Некоторое время стоял, вслушиваясь. Пока все шло без шума. Правда, любвеобильный хозяин не вовремя затеял любовные игрища. Ну, да они Роману не помеха.

Он включил фонарик и от порога пробежался узким, четко сфокусированным лучом по комнате, старательно обходя окно.

Так, все понятно. Рабочий стол с компьютером в дальнем углу у окна, напротив книжный шкаф. На стенах картины, какая-то антикварная штукovina за стеклом. Добротная кожаная мебель, мягкий ковер на полу. Зря все это, по-

думал мимоходом Роман. Зимянин слишком прост и слишком беспечен, чтобы иметь дело с налетчиками на дачу банкира. Тот, кто с ними связан, должен быть более осторожен и строг. Во всяком случае, приводить в дом первого встречного без серьезной проверки он не станет. И окружит себя такой системой защиты, что мышь не проскользнет незамеченной, не то что человек. Нет, Зимянин и рядом не стоит с этим делом, не стоило им и заниматься.

Но работа есть работа, и Роман старательно принялся выполнять то, за чем сюда пришел. Надо же генералу Слепцову дать отчет.

Он тщательно прикрутил на окне жалюзи, чтобы не осталось ни одной щели, и включил компьютер. Все было очень просто – Зимянин действительно никого не опасался. В его компьютере не стоял даже элементарный защитный код. Роман записал на свой мини-диск папку «Мои документы», но затем, подумав, начал методично переписывать все содержимое твердых дисков. А чего мелочиться? Пускай аналитики в конторе разбирают все по косточкам. Авось что-нибудь любопытное и откопают.

Когда первый диск загрузился под завязку, Роман вставил второй и подождал, пока загрузится и он. Так, все компьютерные залежи теперь у нас. Роман выключил компьютер, уложил диски в карман. Дальше займемся делами бумажными и прочими.

Аккуратненько исследовав ящики стола, Роман нашел –

из более-менее ценного – записную книжку с именами и номерами телефонов и стопку визиток. Самый верхний ящик был заперт на ключ. Роман, улыбнувшись, даже не стал доставать отмычки. Оттянув кверху столешницу, он освободил язычок замка и выдвинул ящик. Древнейший прием воров-домушников.

Но и в верхнем ящике не обнаружилось ничего особо интересного. Лежал маленький блокнотик, в котором была пара десятков имен да какая-то скучная деловая документация.

Роман не поленился и слазил в мусорную корзину под столом. Она была почти пуста. Его внимание привлек скомканный листок бумаги. Он распрямил его, прочел торопливые каракули: «За цыпочку Родику еще две ц.». Черт его знает, что сие означает. На всякий случай сунул записку в карман.

Достав из нагрудного кармана комбинезона плоский портативный сканер, Роман принялся сканировать страницу за страницей записную книжку Зимянина и заодно уж все визитки. На это ушло с полчаса, но зато список всех контактов был теперь в одном месте, и не пришлось уворовывать записную книжку и визитки, что, несомненно, вызвало бы большой переполох.

Далее Роман занялся книжным шкафом, но ничего, кроме книг и безделушек, в нем не обнаружил. Это его не удивило. Зимянин не слишком заботился о своей охране, но, надо полагать, как истинный коллекционер, он держал свою дра-

гоценную коллекцию в отдельном, тщательно охраняемом и законспирированном месте. Не хватало, чтобы похищенное яйцо Фаберже лежало в его кабинете на видном месте: смотрите, мол, вот оно – я. Возможно, в доме существует отдельная комната, отведенная под коллекцию, но у Романа не было ни времени, ни возможности разыскивать эту комнату.

Он вернулся к столу и проверил, все ли им положено на свое место. Кажется, порядок. Да, маленький блокнот, как с ним быть? Может, стоит отсканировать и его?

Роман полистал странички, ухмыльнулся. Похоже, это интимные знакомые господина Зимянина. Имена исключительно мужские и большей частью уменьшительно-ласкательные.

Он открыл блокнотик на букве «Р». Ага, вот и Родик имеется. Любопытно...

В этот миг со стороны коридора донесся какой-то отрывистый, довольно громкий звук. Роман замер. Что это могло быть? Дом уже давно был погружен в крепкий сон. Любовнички уgomонились и мирно спали. Охрана вообще дрыхла без памяти, как медведи в берлоге.

И вдруг опять тот же звук... Теперь у Романа отпали все сомнения. В доме находился посторонний. И этот посторонний, не особенно таясь, вел стрельбу из огнестрельного бесшумного оружия.

Роман соображал быстро. Пистолет он оставил в машине – как-то не предполагал, что он ему здесь понадобится. Из

оружия при нем был только складной нож. Нож этот хоть и был из хорошей стали и имел стопор, что весьма существенно при рукопашном бое, но все-таки противостоять с ним профессионалу с огнестрельным оружием в руках вряд ли бы удалось.

А в том, что в доме работает профессионал и, возможно, не один, Роман не сомневался.

Последние хлопки выстрелов прозвучали совсем рядом. В спальне. И снова гнетущая тишина, ни вскрика, ни стога. Похоже, господин Зимянин и бедняга Люсьен мертвы. Пора уносить ноги, пока незваные гости не добрались до кабинета.

Роман сунул блокнотик с интимными именами себе в один из кармашков. Зимянина нет, а кроме него, никто этого блокнота не хватится. Затем, напряженно слушая каждый звук за дверью, пару секунд раздумывал.

В каком направлении лучше прорываться? Разбить стулом окно и выпрыгнуть во двор? Вариант, конечно, быстрый и эффективный. Но не в данных обстоятельствах. Во-первых, чтобы разбить стекло, нужно было сначала раздвинуть жалюзи. Это только в американских фильмах чудо-герой лихо сигает в окно и вырывается из окружения вместе с двойной рамой и жалюзи на шее. В жизни все несколько сложнее. Основа жалюзи сделана из капроновой бечевки, и в ней, скорее всего, запутаешься, как рыба в сети. А пока будешь дергать нужные веревочки, которыми раздвигаются жалюзи, в комнату на шум могут ворваться налетчики и превратить

тебя в решето. Во-вторых, во дворе вполне может оказаться стрелок или стрелки, следящие за окнами, и в этом случае тоже нарываешься на пулю. В-третьих, если стекло пуленепробиваемое, разбить его даже тяжелым стулом невозможно.

Нет, решил Роман, надо использовать фактор внезапности и прорываться через дом. Или затаиться, переждать налет и спокойно выйти из дома после ухода визитеров.

Он бесшумно подобрался под самую дверь и весь превратился в слух.

Теперь самое главное – точно определить, где находятся сейчас налетчики и что они собираются предпринять дальше.

Возможно, убрав Зимянина и таким образом выполнив заказ, они уже ретировались.

Хуже, если им нужно что-то помимо жизни Зимянина. Например, содержимое его компьютера или ящиков стола. Или, возможно, им нужна эта антикварная каракатица за стеклом. В таком случае они вот-вот пожалуют в кабинет, и тогда...

Роман не успел додумать. Дверь в кабинет открылась, и внутрь шагнул рослый человек. Сзади слабо вливался рассеянный свет из коридора, и Роман хорошо увидел черный комбинезон, маску на голове и толстую сосиску глушителя на пистолете, который рослый человек держал перед собой в вытянутой руке.

Человек не увидел Романа, распластанного вдоль темной стены, и сделал еще один шаг вперед.

В следующее мгновение Роман перехватил одной рукой пистолет, другой – кисть вошедшего, сделал резкий залом и, вывернув ствол в направлении его груди, дважды нажал на спусковой крючок.

«Пф-пф», – глухо послышалось в тишине.

Человек дернулся и, закидывая голову, осел на пол. Роман, придерживав, отпустил его и, забрав из руки пистолет, выглянул в коридор.

– Чего стрелял? – спросил его второй человек, точно так же одетый в черный комбинезон и черную маску.

Он стоял в двух шагах и держал оружие – автомат «АС» – наготове.

Роман понял, что благодаря черной маске его приняли за своего.

– Все нормально, – прошептал он, поднимая к поясу пистолет и нажимая на спуск.

Но этот второй был начеку, и реакция у него была, как у змеи.

Среагировав на движение ствола в его сторону, он прынул вбок и вниз и незамедлительно дал длинную очередь по Роману.

Тот едва успел отдернуть голову. В косяк двери ударил рой пуль, на Романа посыпались щепки и отбитая краска. Он понял, что нарвался на серьезного противника.

– В доме чужой! – громко крикнул тот, не теряя времени. Значит, понял Роман, налетчиков несколько. Совсем ху-до.

Бросив взгляд на лежащего у его ног покойника, Роман склонился к нему, перевернул на спину и увидел, что один из карманов его комбинезона оттопырен каким-то яйцеобразным предметом.

Роман открыл «липучку» кармана и извлек из него светозвуковую гранату «Заря». Хорошая штучка. И как нельзя кстати в эту минуту. Спасибо, брат.

Из соседнего с гранатой кармашка он достал запасную обойму, вставил в пистолет взамен старой, уже полупустой, тихонько передернул затвор. Сейчас будет важен каждый патрон.

По короткому шуму передвижений и по отрывистым восклицаниям Роман понял, что снаружи собираются остальные члены группы. Что ж, повеселимся. Он выдернул чеку и накатиком пустил гранату по полу в сторону своих невидимых врагов.

Они услышали шум катящейся гранаты и наверняка приняли меры защиты. Но все-таки последовавшие друг за другом оглушительный взрыв и ярчайшая вспышка на какое-то время заставили их потерять контроль над ситуацией.

Роман выпрыгнул из кабинета сразу после взрыва, едва не ослепнув от затухающей вспышки.

Увидев чью-то черную тень у стены слева, он на бегу два-

жды выстрелил в нее из пистолета. Кто-то бросился ему в ноги справа. Для прицельного выстрела времени уже не оставалось. Роман на ходу высоко подпрыгнул, толкнулся одной ногой о стену и в перекате, держа пистолет перед грудью, улетел за спину нападавшего. Не прекращая ни на миг спасительного движения вперед, он бросился к лестнице.

Сзади торопливыми очередями захлопали автоматы «АС». От стен веером полетели кирпичные брызги, зазвенело разбитое зеркало. Роман, спасаясь от шквального огня, кубарем покатился по полу, стремясь добраться до лестницы. Но и на лестнице его ждал неласковый прием.

Завернув за угол, Роман оставил яростно плюющий пулями ему в спину коридор позади. Но тут же краем глаза он уловил в тени, отбрасываемой балясинами и перилами, какое-то угрожающее движение.

Едва он успел в отчаянном прыжке изменить направление, как в то место, где он только что находился, ударила автоматная очередь.

Роман взлетел в воздух, ухватился за перила и махнул на нижний лестничный марш, рискуя переломать себе ноги при приземлении на ступеньки вслепую. Стрелявший на секунду упустил его из виду.

Роман шлепнулся на ступеньки, ничего, слава богу, не повредив, два раза пальнул для острастки в сторону стрелка – судя по звуку, пули бездарно попали в стену и в лестницу – и, не дожидаясь, пока подоспеет подкрепление, со всех ног

кинулся к выходу.

Он хотя и не был ни разу в доме, но четко представлял по внешнему осмотру его планировку и в особенности местонахождение выхода.

В последнем очень не хотелось ошибиться, ибо налетчики, соединившись, в минуту расстреляют его из своих автоматов. Парни воевать умели, и он с одной пукалкой против их грозных «АС» ничего ровным счетом не стоил. Пока ему просто везло, но лишь пока...

Сзади слышны были громкие крики и топот. Не приведи бог сейчас застрять в этом проклятом доме – выбраться наружу не дадут.

Он перескочил холл вниз, свернул в коридор и увидел серую щель приоткрытой двери. Кажется, выход никто не преграждал. Роман выскочил на улицу и сколько было мочи припустился к забору.

На бегу он заметил большое тело собаки, неподвижно распростертое у будки. На этот раз бедолагу вместо вырезки угостили пулей в лоб.

Роман отшвырнул ненужный пистолет с глушителем и, подскочив, ухватился за гребень забора. Возиться с калиткой он не имел ни секунды времени, тут только задержись на мгновение – и конец.

Едва он перемахнул через забор, слышались голоса преследователей. Но Роман уже был недосыгаем для них. Птицей пролетев улицу, он ушел в темные переулки и скоро сто-

ял в отдаленном тупичке у своего «БМВ».

Переводя дыхание, он какое-то время слушал, нет ли погони.

Нет, никто за ним не бежал. Скорее всего, его потеряли из виду, как только он перепрыгнул забор. Налетчики были люди опытные и понимали, что бегать в темноте по поселку за прытким незнакомцем бессмысленно. Было бы их человек двадцать, они бы попытались организовать преследование, но втроем они, конечно, такой ерундой заниматься не будут. Тем более у них на руках как минимум один убитый и один раненый. Им самим надо уходить как можно скорее, какие уж там поиски? Каждая минута на счету.

Роман сел в машину и, на всякий случай пригибаясь, чтобы издали не заметили светящуюся панель телефона, позвонил генералу Слепцову.

Тот поднял трубку сразу же, будто ждал звонка:

– Я слушаю.

Роман кратко доложил о случившемся, сообщил адрес Зимянина.

– Вы можете сесть на «хвост» налетчикам? – спросил Слепцов.

– Вряд ли получится, они люди опытные, сразу меня засекут.

– Тогда не рискуйте напрасно. Дождитесь на месте следственную группу. Им потребуются некоторые ваши разъяснения.

- Есть дожидаться группу...
- Утром, в десять, ко мне на доклад.
- Есть на доклад.
- Все, отбой. С вами свяжутся.

Хорошо, что не сказал в восемь, подумал Роман, глянув на часы. Уже три. Пока приедет группа, пока произведет осмотр – будет все пять. А еще до дома надо доехать... Когда спать, спрашивается? Ладно, это мелочь. Что делать с налетчиками, вот в чем вопрос?

Интересно, на чем они приехали? Как ни торопился Роман умчаться подальше от дома Зимянина, он успел отметить, перепрыгивая забор, что на улице ни одной машины нет. Значит, свой транспорт они тоже оставили где-то в отдалении. Из чего следовало, что к машине они вернутся пешком. Или вынуждены будут подогнать машину к дому, чтобы забрать труп и раненого. Попытаться издали проследить за этим процессом? Заманчиво.

Роман захватил пистолет и, прислушиваясь на каждом шагу, вернулся к главной улице. Присев под чей-то забор, в глухую тень кустарника, он издали попытался разглядеть, что происходит у ворот дома Зимянина. Но ни машины, ни людей там не увидел. Он прождал в своем укрытии минут десять – никто не появился. Интересно. От его лихого прыжка через забор и уличного спринта до возвращения на эту позицию прошло не больше пяти минут. Неужели они успели за это время забрать убитого и уйти? Но им ведь что-то еще

нужно было в кабинете Зимянина. Как они успели так быстро справиться? Или они до сих пор в доме? Нет, это исключено. Они слишком опытные, чтобы не понимать, что задержка будет пагубна для них. По поведению Романа они могли сделать вывод, что он не обычный воришка, а человек, имеющий спецподготовку. Стало быть, этот человек пришел сюда от какой-то серьезной конторы и, убежав, поспешит с этой конторой связаться. И сейчас к дому на всех парах мчатся следователи, эксперты и группа захвата.

А что, если они тоже из какой-нибудь конторы? – подумал Роман. По ухваткам, по снаряжению – спецназ чистой воды. Выполняли конкретное задание. Точно так же, как на даче банкира.

Стоп! А не те ли самые спецы явились и сюда? Правда, те работали днем, а эти ночью, но общий характер нападения весьма схож. Проникновение небольшой группой на территорию и быстрое уничтожение всех подряд. Вот так сюрпризик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.